

**НОВЫЙ ГОД НАСТАЕТ.
ПОЖЕЛАТЬ ХОТИМ ВАМ СЧАСТЬЯ...**

№ 24 ДЕКАБРЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

С Героем Социалистического Труда, председателем комитета профсоюза московского металлургического завода «Серп и Молот» Виктором Ивановичем ДЮЖЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Анатолий БАРАНОВ

Победа в соревновании

Рабочая трибуна «Смены»

ПАРОЛЬ: ПОСРЕДИТЬ ВЫПОЛНЯТЬ ПЛАН КАЖДОГО ДНЯ КАЖДОГО МЕСЯЦА, КАЖДОГО ГОДА, ВСЕГДА ПЯТИЛЕТКИ-ДЕСЯТИЛЕТКИ

ювея совсем недавно занял заводской кабинет и, по всему видно, чувствует себя здесь еще неудобно. Дождя легче найти на огромном заводе, чем в маленьком домишке, где расположен заводик. И естественно: тридцать лет проработал он в самом горячем цехе — листопрокатном, с сиденью на месте не привык, а привычка, как говорится, вторая натура. Но к своей работе он относится равнодушно и с уважением, как к любому труду.

— Был я старшим вальцовщиком. Тем шесть часов отработав и почти всегда чувствуешь: сделал, что мог. Удовлетворение полное, и устасть приятная. А сейчас у меня семья увеличилась минимум вдвое, а вот того чувства удовлетворенности сработанным все нет и нет.

— Простите, Виктор Иванович, а может, эта работа не для вас?

— Признаться, хотел спросить: «А по зубам ли тебе это дело, Дюжев?» Так или нет? Надеюсь, все же «по зубам». Да и нравится мне эта работа — все время с людьми, влезешь в их заботы и если сможешь, кому-то человеку или сделавшему что-то хорошее для всего коллектива, чувствуешь себя на голову выше. Возьмите мою главную заботу — организацию социалистического соревнования. Соревнование — это живой организм, оно постоянно растет, развивается...

— Что же нового в организации соревнования появилось на вашем заводе в решающем году пятилетия?

— Наверное, самое главное — ежесуточное подведение итогов соревнования между цехами. Ежедневно в двадцать часов мы объявляем,

как работали все наши цехи и службы накануне, выпускаем соответствующие сообщения для всех цехов, в каждом номере нашей многотиражной газеты «Мартенова» публикуются «Дневники соревнования». Раз в неделю мы подводим итоги смотряконкурса за высокую культуру производства. Раз в квартал объявляем победителей по профессии. Портреты лучших сталеваров, вальцовщиков, подручных и рабочих других профессий составляю ишу «Аллею трудовой славы». Пройдите по ней и сразу узнаете деяство лучших работников нашего завода.

— Мне кажется, большое количество досок почта, различные стандарты с именами передовиков, разнообразные вымпелы, спрятанные в красивых угольных цехах, — все это еще не означает, что на заводе все в порядке с качеством соревнования. Думаю, она состоит в том, чтобы КАЖДЫЙ труженник знал, как выполнять свои обязательства его товарищи по коллективу, кто он сегодня обогнал, а от кого отстал, за счет чего добился успеха токарь из соседнего пролета и чем объясняется неудача слесаря...

— В том-то и дело, что мы при подведении итогов определяем не только передовиков, но и столь же скрупулезно выявляем отстающих. Идем мы «искренне» вовсе не для того, чтобы заляпывать их позором, у нас и черной доски нет. Видел я такие доски на некоторых предприятиях и отношусь к подобным мерам гласности крайне неприязненно — проще простого обидеть человека, труднее найти причины его отставания, объяснить их, если можно, устранить. Именно с этой целью мы и определяем бригады, смены, цехи и отдельных работников, занимающих последние места в соревновании. В тридцатых годах на наших заводах существовал хороший лозунг: «Победителям — вымпел, побежденным — опух». Лозунг в своей главной части — в главном и считая именно передачу опыта — отнюдь не устарел. Распространено упеля передовиков мы стараемся упеля как можно больше вымпелов...

— Но и побежденные, я думаю, люди неодинаковы: один работает спустя рукава, поэтому и ходит в отставании, а другой старается, выкладывается, но мастера мало, а и никак он не может выйти на заветную норму, у третьего...

— Мы их под одну гребенку и не строим. Одному полно и выговор вывешивать, а другому надо плечо подставить, может быть, даже работу ему на первых порах дать полегче, чтобы он справился с ней, обрел уверенность, силу самопучива...

— Это особенно молодых рабочих касается? — Конечно. Вот и в этом году к нам пришло много вчерашних маль-

чишек. Они уже рабочие, это знание им присваивают торжественно. Но посвящение в рабочие и постижение профессии — вещи разные. Постыжение ремесла — процесс не мгновенный, не одномоментный, приказом начальника цеха или даже директора его не отменишь. Семь потов с тебя сойдет, прежде чем научишься справляться с установкой и станешь действительно полноправным человеком в своей бригаде, в своем коллективе, почувствуешь себя мастером. Чтобы ускорить этот процесс, наждому молодому рабочему мы даем шефа. К вновь поступающим на завод чаще могут быть претензии; имени парнишка пришел, такого и берем, надеюсь, наставник и выучит и воспитает. А вот к шефу мы предъявляем жесткие требования, чуть ли не на зуб его пробуем, как знающего, раньше зоркого опрадыателя. Наставник и должен быть во всех отношениях зорким, а не каждый, даже самый опытный, сам первый, рабочий этим требованиям соответствует.

Движение наставничества в последние годы получило широкое распространение, но дело-то все не новое. В своем цехе на заводе помню, шефы все время молодых рабочих опекали.

Сам я пришел на завод в сорок втором году. До этого в горном комсомоле зашел, на фронт попросился, а отправили меня на «Серп и Молот». Вальцовщиком не хватало — война, меня и направили в листопрокатный. А был я тогда маленький, тщедушный, фамилия yours никак не соответствовал. Мастер осматривал меня со всех сторон, засматривал и угловому стану потянул: «Здесь ты и работай, фамилия не пошла, постарайся выдюжить». А в бригаде меня опекали как могли. Легкой работы на стане не бывает, так меня для передку за водой отправляли, за инструментом ками-нибудь, но учини все же по-настойчиво, усердно. Через пять лет, научив все профессии, от награвальничан до вальцовщика, сам этим станом начал командовать, тридцать лет на нем проработал...

— Мы говорили о молодых рабочих. Как они, вчерашние школьники, участвуют в соревновании?

— Соревнуется между собой борется за досрочное присвоение рабочих разрядов, участвуют, естественно, в бригадных и цеховых соревнованиях. В бригадах сталеваров или вальцовщиков, например, где люди должны помнить друг друга не то что с помпослова, а с полукласть, каждый человек имеет свой существующий элемент на показателе коллектива, не только его работы. И чем быстрее новичок «притрется» к бригаде, тем лучше и ему и всем. А это тоже соревнование — соревнование за право занять свое рабочее место. Должен сказать,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 24 (1118)
ДЕКАБРЬ
1973

НАША ОБЛОЖКА:
РУССКИЙ ТАНЕЦ.

Фото
Мирослава МУРАЗОВА

что именные ребята, может быть, в силу своего среднего образования, быстрее постигают профессию. Конечно, им легче, им хорошо знакомы законы физики, химии, без чего настоящий металлург невозможен, и хозяевами на заводе они чувствуют себя сразу, понимают, что все для них.

Проходило на заводе обсуждение пьесы «Стелсвар», так в основном молодые рабочие и выступали, они столько замечаний сделали, что драматургу и театру пришлось после этого обсуждение значительные изменения в пьесе сделать.

— Вы сказали, молодые быстрее постигают секреты мастерства. Почему же путь от третьего подручного до сталевара или от нагревальщика до старшего вальцовщика занимает в среднем десять лет? Вы-то сами прошли его вдвое быстрее.

— Тогда время было другое, людей не хватало, а сейчас надры у нас стабилизируются, если и уходят, так уходят в армию, на учебу, на пенсию. По-вашему, возраст — значит смеинуть, а если меньше некого?

— Значит, не много стимула у нынешнего подручного для дальнейшего роста вперед?

— А почему обязательно вперед, почему не вглубь? Возьмем мою бригаду. Простите, по привычке скажу, сейчас его командует мой ученик Иван Яковлев. Так вот, возьмем мою, то есть яковлевскую бригаду, впрочем, можно взять любую из нашего ликтпрокатного цеха. В бригаде работают нагревальщик, сварщик, оператор, подручный, вальцовщик — это профессии, а операция в пять раз больше, и желательно, чтобы каждый рабочий знал все операции, мог замкнуть в любой момент своего товарища. Так оно и происходит, в бригадах рабочие почти ежедневно меняются местами и не только по необходимости — от такой пересменки работа вкуснее становится. Да и для роста есть надежный фундамент. Создавали мы комсомольско-молодежные бригады, руководить ими тоже доверили молодым, и назначение это было не формальным — в подручных ходили готовые руководители. И еще один плюс от этого роста вперед, от освоения смежных профессий. Раньше в наших бригадах было семь человек, а сейчас — шесть. Только на стороне и пятим ставках прокатного цеха, где я раньше работал, высвободилось восемь рабочих основных профессий, производительность труда — только выросла на шестнадцать процентов.

— И только за счет уменьшения количества работающих?

— Всегда нет. В основном за счет все того же распространения опыта друг на друга. В цехе организована школа передовых методов труда, разрабо-

тан план мероприятий НОТ, изучается и осваивается опыт победителей в соревнованиях.

— Как конкретно это происходит?

— Я не сказал вам об одном нашем почине. Мы его особенно не афишировали, потому что любой почин требует серьезной проверки временем. И не всегда почин, будь он даже прехороший, может применяться на соседнем предприятии. В этом отношении распространение почина похоже на передачу сердца — не в медицинском смысле, а в смысле прижизненного.

У нас почин бригады Анатолия Голитина привнес, его подвигали шестьдесят коллегам. А суть его в принципе проста: бригада вышла с предложением выполнить в решающем году пятилетки 15 месячных норм. Цифру эту взяли не с потолка, серьезно готовились, старательно взвесили свои возможности, рассчитали силы и 28 декабря 1972 года после ночной смены, после ровно в шесть утра в ликтпрокатном состоялся митинг, голитинцы объявили свои обязательства. Их соседи по цеху — бригада Вячеслава Разутова [истать, именно этот коллектив в это время предложил уменьшить численность бригады] предложили своей встречной план — 16 месячных норм. Вальцовщики обязались также повысить качество продукции на две десятых процента по сравнению с достигнутым в прошлом году и предложить бороться за звание «Победитель соревнования в решающем году пятилетки». Через неделю после этого митинга в цехе и была организована школа передовых методов труда.

— В которой металлурги изучают опыт работы этих бригад?

— В основном да. Темы уроков в этой школе мы не придумываем — нам их подсказывает митинг, наши ежедневные дела. Поэтому каждое занятие в школе становится не обычной лекцией, не уроком с вопросами и ответами, а коллективным поиском новых решений. В этом мы находим, сущность всего соревнования, не борьба между собой таких мастеров, как Анатолий Голитин, Вячеслав Разутов, Владимир Шлязов, а интерпретациями с широким резервом, общий поиск новых возможностей, когда опыт одного становится всеобщим достоянием и каждый чувствует свою причастность и вклад в дело своего цеха, своего завода и в заработок своей страны.

Каждая новинка, появившаяся в какой-то бригаде, благодаря занятости в школе тут же становится известной всему металлургу. Никто и не пытается скрыть новый прием или приспособление, дающие возможность увеличить количество выпускаемой продукции или улучшить условия труда. Но соперничество между брига-

6

КАКОЙ ОН —
МОЛОДОЙ УЧЕНИК!

Рассказ
о ленинградском биологе.

12

РЕПОРТАЖ
О ВСТРЕЧЕ ВETERANОВ
ПОЛЯРНОЙ ДИВИЗИИ.

20

МХАТУ — 75 лет.

28

БИМЛОН:
ГЕРОИ И ТРАДИЦИИ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

СОРЕВНОВАНИЕ: НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ,
МЕДНОЕ СОЛНЦЕ ЧУКОТКИ

МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ,
КРАСНЫЕ ЛАТЫШСКИЕ СРЕЛКИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашич, Г. П. Елпесев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Пободоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рибников, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стунов [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевкин

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Н. И. Будякина

дами тем не менее проходит очень остро, они ревниво следят за успехами соседей, проверяют друг друга, иногда при подведении итогов — а они подводятся открыто, таме батли бывает — держис только. Острое соперничество не только помогает достичь высокой производительности и эффективности труда, но и воспитывает в человеке высокую сознательность, чувство хозяина, расширяет не только профессиональный, но и политический кругозор. Дуэанта, случайно наши рабочие так серьезно изучают смежные профессии, берут на себя повышенные обязательства, принимают встречные планы! «Винкой тому соревнование. Побеждает в нем тот, кто лучше работает, а лучше работает тот, кто имеет большой запас знаний, в совершенстве овладел профессией, а еще лучше — двумя-тремя.

Соревнование подталкивает человека к знаниям, заставляет его совершенствовать свое искусство. А вместе с профессиональным происходит и нравственное совершенствование человека, заботящегося о делех коллектива, производящего на помощь товарищу, человека ищущего, творческого.

— Год заканчивается. Можно подвести какие-то итоги соревнования на вашем заводе?

— Только предварительные. Могут же сказать, что свои обязательства по реализации сверхплановой продукции, по дополнительному выпуску стали, проката, калиброванного металла, стального литья, по выпуску товаров народного потребления и по повышению производительности труда завод выполнил еще в октябре, и поэтому в канун 56-й годовщины Октября мы взяли на себя дополнительные, довольно напряженные обязательства. Главное из них — повысить производительность труда на два с половиной процента сверх плана. Вот этим главным пунктом обязательства, в принципе, мы всецело обязаны распространено почина бригады Голытина.

— А как идут дела у семки инциаторов почина?

— Годовой план бригада выполнила пятого октября, обязательства — месяц спустя, а сейчас работает уже в апреле четвертого года пятилетия, скоро май должны отраздничать. Первыполнили они свое обязательство не только по количеству, но и по качеству продукции. Обещали поднять качество на две десятых по сравнению с достигнутым в прошлом году, а подняли на четыре десятых. Сейчас бригада выпускает 98,9 процента продукции отличного качества. Бывали дни, когда весь прокат бригада сдавала только отличного качества, но взять на себя обязательства все время выпускать такую продукцию ни одна бригада не возьмется. При существующей технологии это просто-напросто невозможно. Тут уже само предприятие должно брать на себя обязательства по совершенствованию технологии, по установке современного оборудования... И наш завод, отметивший в этом году 90 лет, молодеет, реконструируется. Комсомолец завода потрудился на реконструкции завода. На спете молодых металлургов, где комсомольцы принимали свои обязательства на третий год пятилетия, они пообещали отработать на реконструкции завода девять тысяч часов, а сделали почти вдвое больше, чем обещали.

С государственным планом и обязательствами на третий, решающий год пятилетия наш завод успешно справился. И причину этого успеха я вижу именно в социалистическом соревновании, в трудовых успехах соревнующихся, в самоотверженном, напряженном труде всех наших рабочих.

ЗНАКОМЫЕ СЕРИОВ

ПОДЪЕМ ПЕРИ СЕРИОВ

ПЕРИ ВАН ПОДЪЕМ

Юрий КАЛЕЩУК,

Альберт ЛЕХМУС (фото),

специальные корреспонденты «Смены»

Сериков заступил на вахту с ночью. Ночь была теплая, тусклая; июль догорал.

Стоя у нуля, Сериков привычно астушвался в затихающий стук сляпо по трапу, ощущая легкое, едва уловимые толчки, которыми отзывалась буровая на торопливные шты верхового. Наконец, толчки прекратились — Минин добрался до своего поста.

Пора.

— А вахта ничего начинается — с дела, — сказавя Сериков своему помбур. — Вот и картажники уехали, значит, испытательный колед. Скоро освоенцам скважину отладим...

Помбур промолчал. Странный паренек, э тот Толя Оленгейт, глаза иссмельняе.

— Пора!

Дрогнув, рванулся вверх элеватор, накренилась свеча и стала вдруг невесомой. Для Минина

на. Теперь всю ее тяжесть Сериков на себя принял. На кроншток, конечно, но кажется, будто на себя. Поднял немного. Давай, Толя. Даю. Оппенгейм ловко придвинул расчищенный кончик свечи; лезвухи челюсти автоматического ключа. Визз элеватор идет со свистом. Впрочем, так тоже только кажется. Нормальная скорость. Муфта замирает над самыми клыками. Обычное дело — спуск инструмента на проработку скважины. Еще свеча. Еще... Оппенгейм глянул на Серикова и ухмыльнулся. Ну, раздухарился. Ас бурения. Кстати, так и назвал его Усольцев, когда сообщил, что в китаевскую бригаду идет новый бурьяльник. Ас? «Старички» тогда зашевелились: можно сказать, основоположники бригады, огонь и воду прошли, медные трубы уже почти что рядом и тут — на тебе! — ас. Но пришлось потесниться.

Новая свеча повисла над устьем. Сомкнулись

челюсти, разжались: ключ откатился назад. Сериков подошел к нему, присмотрелся, покачал головой.

— Гуляет челюсть. Сколько раз я просил Миронюча, чтобы просверляли: застраховать можно было бы...

«Любишь ты покалечить», — подумал Оппенгейм беззлобно. — Хотя и ас.

— Да он раз десять об этом базу киросла.

— Просил, просил! — сказал Сериков сварливым голосом. — Надо было допротыться.

Продолжая что-то бормотать, он отошел к пульту. Элеватор снова рванулся вверх.

В своей прежней бригаде, в Отрадном, Сериков проработал шестнадцать лет и хорошо представлял, как трудно новому человеку войти в сложившийся коллектив. Но он верил в себя и привык быть первым. Правда, в китаевской бригаде были по крайней мере еще два бурьяльщика, которые привыкли к тому же. С ни-

ми, с Сухоруковым и Метрусенко, ему было сложнее всего.

Но, пожалуй, и интереснее.

Спусти шель нормально, свеча за свечой. Темп визжа огненный; сталовилось жарко.

— А Ромка Кузнецов с Китаевским сейчас уже в Вердине, — сказал Оппенгейм.

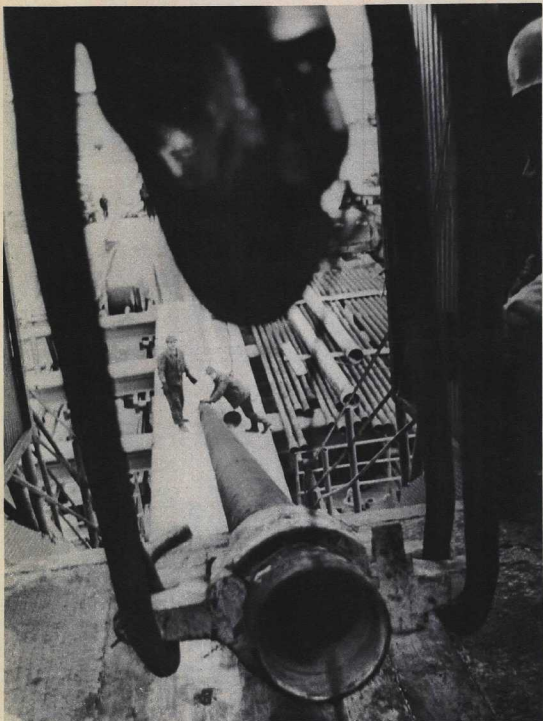
— Ага. Завтра фестиваль открывается... И сегодня там есть что посмотреть.

— Да спят они, поди.

Но они не спали.

В Вердине был только десятый час вечера; Рефат Жусупов, комсорг бригады, которого все на Самотолоре звали Ромкой, и Виктор Китаев, буровой мастер, бродили по вечернему городу, толковали обо всем, но больше почему-то о работе. Так уж у нас повелось: о деле своем говорить мы можем без конца.

Китаева беспокоил Равиль Мухаметов, кото-

рого тоже все звали Ромкой: он только что закончил курс бурьлицыков и сразу принял вахту ушедшего в отпуск Сужуркуова. Ремесло он знает, но не это главное: бурьлицыку надо уметь работать с людьми. Трудно Ромке, Конечно, рядом с ним опытные бурьлицыки — Гечь, Сериков...

На Серикова Китаев надеялся.

— Какая свеча? — спросил Сериков.

— Сорок первая, — ответил Опенгейм. — Или сорок вторая.

«Сорок вторая», — машинально ответил Мишин, держа вращаем и подгибая к себе открытую свечу из-за пальца. Элеватор поравнялся с люлькой верхового, Мишин направил свечу точно в ворота и зашелкнул замок. Элеватор поднялся выше; визж-визж — заработали колеса автоматического ключа, света трещина; дернулся элеватор и, набирая скорость, устремился вниз. Мишин потянулся за новой свечой, но в это мгновение элеватор, словно напоролся на какое-то препятствие, резко остановился рядом с люлькой, ворота открылись, и свеча, качаясь, вращаясь, кружась (бурная заходила ходуном), рухнула вниз.

Лезь металл.

И тишина.

Сериков увидел скользящую в столб свечу, нажала педаль, — клинья вскинулись, сомкнулись...

Удар пришелся по муфте.

Спустя минуту они разглядывали от муфты, горячую, мятую, искореженную — все, что осталось от сорона двух свечей и турбобура.

— Все, — сказала Сериков тусклым, бесцветным голосом.

Вот этого он и боялся. Прежде ему было интересно в бригаде. Теперь бригаде будет интересно на него посмотреть.

— Не надо было ловить ее на клинья, — сказал Опенгейм. — Пускай бы себе летела. На здоровье. Спустили бы потом полный комплект, извернулись. И все дела.

— На это тоже нужно время, — возразил Мишин. — А если бы трубу не разорвало? Работали бы сейчас дальше и хлжикали.

— Ее не могло не разорваться, — сказал Опенгейм и подумал: «Но Сериков-то и vidare хотел как лучше. Да и времени на раздумья у него не было. Я даже от ротора отскокить не успел».

Сериков стоял у автоматического ключа.

— Ведь я же говорил Безубову! — сказал он. В голосе его появилось что-то новое. — Я же говорил! Конечно, эта идиотская черствость свалилась в свалку.

Теперь и Опенгейм и Мишин видели это. — Ну, вот что, — сказал Сериков жестко. — Был произвольный полет инструмента. Я пытался его прервать, поймать свечу на клинья. Исно?

— А черствость?

— Никакой черствости не было. Точнее, она была, есть и куда не падала. Иначе Безубову хана. Усольцев ему этого не простит.

Вахта шла к концу. Пора было что-то решать.

— Как ты, Толя? — спросил Сериков.

— Петюша поровому помобуру жетти против бурьлицыка. Только что это даст? Уж лучше не правдо...

— Но я же тебе объяснял, — терпеливо сказал Сериков.

На дороге показался вахтовый автобус.

— Ладно, — сказал Опенгейм.

Встретаться ни с кем не хотелось. Но куда же здесь сиряться? Мухарметов уже спешил на буровую.

— Что случилось, ребята?

— Полет, — коротко ответил Сериков.

В автобус садились молча. У въезда на бетонку им встретилась машина главного инженера управления Усольцева.

И дома неладно: сын заболел. Пришлось сразу же бежать в поликлинику. Возвращаясь, Опенгейм увидел у своего порога Серикова.

— А я к тебе, — сказал он.

— Ну?

— Усольцев нас вызывал, и тебе не нашел, один ходил. Он все понял и в ярости, что его пытались обмануть.

— Естественно.

— Я рассказал, как было. Мироничу все рав-

но не можешь — у них там на Безубово зуб,— стряпал он и криво улыбнулся.— Он, оказывается, в прошлом году, когда оставался за Китаева, тоже напортил: в чужой ставил вилороса.

— Я знаю.
— А я не знаю.
— Да знай ты,— лодука Оппенгейм,— все об этом знаешь. И спроси:
— А зачем же меня ты втянул в эту историю?
— Я хотел, как лучше...

А дальше было так: Безубово сняли со смешных мастеров, Серикова — с бурьяльщиком на два месяца, Оппенгейму позвали разряд с четвертого на второй. На то же время, что и Серикову.

Безубово направил мастеров в освоение, но он сам пришел к Усольеву и сказал: «И был прежде хороним бурьяльщиком, а в мастерах, сам вижу, ничего не получается. Передайте меня в бурьяльщики, и я еще докажу вам, кто и есть».

Про Серикова говорили разное. Кто утверждал, что ловить свету не надо было, другие считали, что надо было,— тогда и поведит. Во всяком случае, и то и другое говорилось сейчас, в спокойной, ни к чему не обязывающей обстановке, когда все уже кончилось, и ничего не надо было решать в суровом предпроектном совещании, когда перед глазами всплывал огненный блеск втянувшейся свечки. О том, что случилось с Сериковым, говорили и с сожалением и со злорадством, иной — с злорадством смешивалось с сожалением. Но злорадство не приносило утешения, да и сожаление было бессильным. Все ждали возвращения Китаева.

А еще так происходило вот что: об этом можно рассказывать долго, потому что длилось же это долго, хотя и однообразно. Бригада безуспешно пыталась, наваяв инструмент, ворушить его и так и эдак, а потом оступили на полторы тысячи торпед и все, что там оставалось, разнесли в клочья. С полутора тысяч набрали новый азимут; это была уже другая скважина; а в вскрытый пластм масс еще один ствол.

Так прошел август.
И тогда вернулся Китаев.

Он знал уже все — и об аварии, и о том, что за два месяца его бригады сделали из второго места на седьмое, но когда своими глазами увидел безжалостные цифры на черной доке в диспетчерской, едва не задохнулся от злости. Все ласкару, жес от от кол. Когда он уезжал, и левинскую бригаду разделили на несколько сотен метров, считанные дни удачной проходил. Теперь было почти двадцать тысяч. Не догнать, ни за что не догнать.

Но кого винить? Так, кто оставался? Это слишком легко. Он же сам считал, что руководителю мало самому работать хорошо,— он должен научить хорошо работать других. Так что же — теперь это правильно отметить, обвинить во всем Безубово? Или Серикова?

У бригады было много неудач. Быть может, эта самая обидная. Но здесь-то и надо выдвигать, не сломаться.

Китаев развелся Сериковым и сказал:
— Застря выходящих с восток. Со своей застой.

Сентябрьское солнце ненадежно. Над бетонкой приналово, но осере дулина град. Из бурных вод овра выступала окошечки здания, желвакия, непохожая на здешние, ядовито-зеленая, словно только что выплыла она из глутыни болота, и гнива не успела высохнуть, поблуживать. Это новый кусок киргизской бригады, экспериментальный, на искусственном острове посреди Самолетора. Что ждет их здесь, в центре озера, над куполом меторождения? Кто знает...

Важтовой автобус подвезла к буровой, подпрыгивая на стыхах бетонных плит. Китаев огледел ребят. Оппенгейм сидел у окна, ладонку длинные ноги почти поперек автобуса, а глаза его были наслезлины. Машины, которые только что рассказывали, как он побывал на Мангышлаке, и бригада Несовейлово («Да они смеются над нами! У вас, говорят, разбе Оппенгейм! Торф проткнул — и сразу нефть!»), вдруг притихли и сосредоточенно глядели вперед. Сериков вообще не раскрывал рта за всю дорогу.

Автобус проехал по бетову до самой культурки и остановился.

— Ну, ничего,— сказал Китаев.— Ничего,— повторил он твердо, и жесткие складки лба в углах его рта.— Начнем все сначала.

Крылья КамАЗа

Насирдин БАЙТЕМИРОВ

Крылья КамАЗа
Врезались дерзко в пространство
Это не сказка —
И сказке не отдал бы дань,
Что же со мною!
Проверенных чувств постоянство
Вдур поднялось на грядущего
Резине грани.
Крылья КамАЗа...

Зренье име на пределе.
Я с высоты вижу чужо.
В зрачке моем зреть
Все, что вчера
Мы еще разглядеть не сумели,
Самое над Волгой
Нострами грядущего грея.
Крылья КамАЗа.
Парит над планетою строила,
Где-то века, не угавшись за нами,
Отсталки.
Ах, как летит неоглядная русская
тройка!
Ей же навстречу — Отечества новые
дани.

Где тут творения
Нерукотворимые бога!
Мир видит нас,
Явную коммунизма вымпелат.
Става Вселенная первой шоссейной
дорогой —
Это она зипелона машин
Принимает!
Минут аминта. За него умищис
друга,

Третья — и вырвется новая и стару
Машина.
Тан моя молодость,
Силой своею играя,
Става на Волге
Великой страны исполнениа.
Если печаль
Остановит тебя на мгновенье,
Если недуг
Осладеет тобою нежданно,
Крылья КамАЗа
Вернут твои сны и зренье —
Городом белым
Встанет на земле Татарстана.
Так ли давно на руках натеранис
мозоли

Деды впрягались волами, бывало,
Е в телугу.
Были рубаки пропитаны
Праведной солью,
Вдоволь нам было,
И знои и стального снега.
Не казался нам шагом тележным —
Смиллис раноты
В киргизских степях и в Кавуге.
Нуж и придуа!
Несете вы, Крылья КамАЗа —
Всю среди прочих я белый колпак
Сыгыноа.

Этос киргизский — и зов и дыхание
«Манас» —
С русской былинной сплелис,
Волжскую даль обнимаа,
Молодость
Лучшие дети Отчизны
Там,
В Набережных Челнах.
Будет потопками поднят и признан
Труд их,
Любовь и весна...

II
Вперед, Челны!
Плещут челны,
И алмаз парус поднят.
Мы — всходы первые весны,
Начавшейся сегодня.
Я счастливи, что в динамо дней
Бошла и страсть моя.
Была ли жизнь когда поней,
И был ли счастья я!

Мы вду в перерыве тельа.
Сладка, свежа — нумыс.
Мы песни лучше поем —
Про молодую жизнь.
Кружка местная
по кругу пошла,
Вода ледяная —
Мярная душа.

Тагучу местную
Я видел в Кремле.
Кружка местная
На кухонном столе.
Знаюма квартира.
Сонная овра.
Здесь первый полдень мира
Буднично вставал.
И было в том полудне
Все, что пришло потом,—
КамАЗовские Будни
И автодром,
Моторы русской марки
Гудели над землей,
Взвинулись полдень жаркий,
Стал старым мир золотой...
То Ленину служил чужой,
И слышна он КамАЗ.

Я знаю,
В это утро
Ильям увидел нас.
И плыва на морозе,
И лица на заре,
И флаги на КамАЗе,
Как флаги в Октябре.
Менны Труда и Брствства.
Я твой полк, КамАЗ,
Всем ленинским богатством
Век
наделает
нас.

Перевел с киргизского
Александр БОУЧАРОВ.

Рисуюк
Михаила ПАПКОВА

ПОСЛЕДНИЙ

Геннадий ЛИСОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Когда фашисты торпедировали госпитальное судно «Вирония», следовавшее из Галлина в Ленинград, на ходовом мостике корабля «Вальдемарса», шедшего взглядом, стоял высокий, суровый офицер, судорожно сжимавший поручни. Он жадно запоминал все подробности прыжкового нападения, чтобы потом об этом написать. Все спасательные средства были брошены к «Виронии», а через несколько минут торпеда поразила «Вальдемарса»... Так 28 августа 1941 года оборвалась жизнь корреспондента газеты «Красный Балтийский флот» известного ленинградского поэта и журналиста Юрия Алексеевича Инге. Балтийцы хорошо помнят поэта — его именем названа улица в Кронштадте.

Поэт погиб, когда ему было тридцать пять лет. Трудно сказать, какую судьбу он хотел уготовить саму, который в то время еще только учился говорить. Безусловно, как и все отцы, Инге мечтал увидеть в Сергее адюнкта-младшего. «Моя гордость, мой мальчик» — так называл Юрий сына в одном из своих стихотворений. К нему и к его поколению обращены слова:

Наступит день — и трава мой, как вдова
Или чертень, понадобятся снова
И мысль vostra, забвостанюю,
Как эстафету в беге, передаю...

Даже уйдя из жизни, Юрий Инге продолжал воспитывать сына. Его книги и память о нем оказывали огромное влияние на формирование личности Сергея. В семье встал дух поэзии...

Но сын сделал иной выбор. В свои семнадцать лет он решительно шагнул в науку, став студентом Биологического факультета Ленинградского государственного университета. То было время подлинного обаявания биологии. Еще не утихли слухи вокруг открытия ДНК-а, Уотсона и Франсиса Крика, предвещающих модель молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) — вещества, ответственного за создание и передачу наследственных свойств животным, растениям, микроорганизмам и вирусам. Это выдающееся событие ознаменовало собой рождение новой науки с необозримыми горизонтами —

молекулярной биологии. Модель молекулы ДНК — ныне знаменитая двойная спираль — оказалась тем зветным ключом к складывающейся природе, который тщетно искали многие поколения ученых. Теперь, спустя двадцать лет, никто не может оспаривать тот факт, что молекулярная биология совершила революцию в естествознании. Но в середине пятидесятых годов у этой науки было не так уж много сторонников. Еще был Вейдман ставила своей задачей познание феномена жизни через изучение неживых объектов, лаборатория являлась отдельными молекулы вещества.

Вряд ли юноша Инге-Вечтомов соизволил тогда, что генетика (наука о наследственности), которой он решил посвятить свою жизнь, через несколько лет займет центральное положение в кругу биологических наук, объяснит человечеству механизмы репродукции наследственных молекул ДНК и позволит наконец приступить к расшифровке генетического кода. Отвечая на вопрос о путях к своему призванию, Сергей Юрьевич вспоминает:

— Мы были на втором курсе, когда нас оранды собрал на лужайке в Петергофе (там у нас лабораторный корпус) заведующий кафедрой генетики и селекции доктор биологических наук профессор Михаил Едикович Лобашев. Недав интродуцированную лещинку на лоне природы, профессор предложил нам задуматься над тем поразительным фактом, что все биологическое многообразие жизни на протяжении всего лишь четырех типов организмов основан на избранных узких механизмах хранения наследственной информации, приращиваемых частями его на все организмы. «Это обительность», — говорил Михаил Едикович, — отнимает путь изучения законов передачи наследственности на примере интродуцизма, для которых характерна быстрая смена поколений. Позднее законы генетики, частота растений с необыкновенными свойствами, отгрядет новую эпоху в развитии высокопродуктивного животноводства, приблизит границы ученых и технику и излучит значимой грани, между делюющей и неинженер». Этот подлинный гимн науки в устах любимого всеми профессора решила мою и «пропала» в генетике. Считаю Михаила Едиковича своим учителем и старшим товарищем, что учился У этого замечательного человека.

Говорят, что путь к своему призванию (я ни есть у любого) резко сокращается, если посвятившемуся встретится в юности умного наставника. Ин-

ге-Вечтомову повезло, он встретил такого наставника.

Удивительна и полна драматизма биография заслуженного деятеля науки РСФСР Михаила Едиковича Лобашева. Быть может, это покажется неожиданным, но именно он был реальным прототипом героя романа В. А. Коверина «Два холма». Незурядность личности Михаила Лобашева произвела большое впечатление на писателя в те далекие годы. Вот как рассказывает о своем герое сам писатель:

«В 1936 году в санатории под Ленинградом, где я отдыхал, зашла речь о романе Острожного «Как закипела сталь». Почтенный профессор хохотливо обмолвился о романе. Его собеседник, молодой ученый, горячо возразил ему, и меня изумило волнение, с которым он защищал любимую книгу: он поубежден, он не мог убеждаться от разных выражений... Это был человек, в котором горячность соединилась с приподнятым, а упорство — с умнительной определенностью цели. Он умел добиваться успеха в любом деле... В течение шести вечеров он рассказывал мне историю своей жизни —

•ЧТО БЫ ЭТО ЗНАЧИЛО?»

необыкновенную, потому что она была полна необыкновенных событий и в те же время покоем на нем, сестра других советских людей. Я слушал, потом стал записывать, и те споры или пятьдесят страниц, которые тогда были записаны мною, легли в основу романа «Два холма».

Роман создавался в конце тридцатых годов, принесши Советской стране захватывающую победу в Арктике, и писатель поучствовал необходимость ввести в повествование вторую, арктическую линию, дополняющую и осветившую новым светом реальную биографию, заново изученную основу романа. Не правда ли, как странно порой сплетаются судьбы людей! Мог ли думать черепаший детскиглассник, что его главным наставником в университете будет герой любимого романа!

РАБОЧЕГО ДНЯ ВСЕГДА
НЕ ХВАТАЕТ.

Инге-Вечтома был среди первых студентов М. Е. Лобашева по специальности — генетика микрорганализмов. Развитие навыков экспериментатора и исследователя он в большой степени обязан научному руководителю своих курсовых работ и дипломного проекта, доктору биологических наук Илье Артемьевичу Захарову, основателю «дрожжевой» генетики в Ленинграде и первому заведующему лабораторией генетики микрорганализмов. После окончания университета и аспирантуры Сергей получил то, о чем, наверное, только может мечтать молодой ученый: профессор Лобашев доверил ему руководство лабораторией физиологической генетики в Петергофе. Вчерашний студент мог взяться за эту сложную и ответственную работу только потому, что рядом были надежные друзья и единомышленники — Талу Сойда, приехавший из Тартуского университета, Сергей Кажин, Борис Симаров. Сейчас, спустя добрый десяток лет, отвечая на поздравления в связи с присуждением премии Ленинского комсомола, Сергей Юрьевич говорит: «Мы вчетвером все это начинали, так что награда, по существу, адресована всем. Просто мне больше повезло: я один попал в луч прожектора». Но вот что говорят его друзья. Борис Симаров: «Я в жизни не видел человека, который мог бы так много работать. Сергей,

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР.

люди бордштуат, непрестанно думает о профессиональных проблемах. Именно поэтому он знает дела своих аспирантов и студентов лучше, чем они сами. Там Соколов: «Сергей — великий реалист. Он обладает исключительно важным для учебного качества — безосновательно оценивать результаты преподаваемого материала. Одермичность в работе — это качество Сергея Юрьевича унаследованное от отца — «баскондроминская» цельная, честная преданность своему делу, страстная одермичность его, без притворства делами Юрия Инге таким естественным; — вспоминает Елена Андреевна Вентомова. Он описал много работ. По сути дела, вся его жизнь была работа».

В 1965 году Сергей Юрьевич защитил кандидатскую диссертацию, а после смерти М. Е. Лобашева возглавил кафедру генетики и селекции. Огромная ответственность, бесчисленные обязанности, Соединенная кафедра охватывала от ста студентов, в их числе человек двадцать кандидатов наук. После аспиранты, студенты. От руководителем

кураторной генетике и генетике микроорганизмов при Академии наук СССР, член Совета молодых ученых при ЦК ВЛКСМ, член Президиума Совета Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова, член редколлегии журнала «Генетика». За высшими обязанностями вие уководителя Инге-Вентомова забывает своего факультета: здесь он председатель группы народного контроля. «Какжется, мы еще что-то забыли» — говорил мне Тамару Рахмановну Соколову. Я спросила тогда друзей Инге-Вентомова, что делают эти люди. «Мы все», — выскочил Сергей Александрович Кожин; «обобщенное до высшей степени чувство долга. Перед памятью своего отца и всех тех, кто погиб за него, перед памятью своего наставника Михаила Ефимовича Лобашева, перед друзьями, перед студентами и аспирантами, перед Родиной, перед наукой, перед всем высоким и благородным, перед всем тем, что будет в нашем мире».

Сергей Юрьевич спешит донести свою первую в этот день деловую записку. Я рассматриваю кабинет и слышу в коридоре его ступи. Добрый, задумчивый взгляд большого ученого. Это М. Е. Лобашев. Хозяин кабинета часто терается за огром-

«ДАРСТВО» ВНОЛОГА.

ля лаборатории до заведующего кафедрой — так же нехотел. Но период привыкания позади. Сейчас кафедра действует четко и планомерно. Вот уже востиную высшая коллегия научная».

Научные результаты Сергея Юрьевича Инге-Вентомова и его сотрудников получили международное признание. Среди них первое место он получил в Соединенных Штатах. Одним из видных американских ученых, Роберт Мортимер, из Беркли в штате Калифорния признался: «Далеко не всякому коллективу удается получить такие результаты в столь короткой срок». Сам Сергей Юрьевич говорит, что в области генетики микроорганизмов мы с американскими коллегами «грудь в грудь», а в некоторых направлениях, которые они ошибочно почитали непременными, даже общались. Итог, конечно, поразительный, если вспомнить, что первый ученик по современной генетике появился у нас чуть больше десятилетия назад».

...Мы встретились с Инге-Вентомовым рано утром в его рабочем кабинете. Он вышел из-за стола, привлекательно улыбнулся и предложил мне пойти за вынужденную науку: надо донести деловую программу сегодняшнего дня. Я тем временем вспоминаю, сколько обязанностей у этого человека: в член Совета по molec-

ным «министерским» столом, Сергей Юрьевич внешне похож на студента — такой же юный и как будто бы даже хрупкий. Легко поднимается из-за стола, обходит его и присаживается на стул. Он рассказывает о себе о самом деле, о друзьях, о жизни, об увлечениях. Я слушаю его внимательно и ловлю себя на мысли, что перевожу его речь на тот стандартный язык людей на земле, к кому обращены вдохновенные слова великого поэта:

Влажен, кто понял гласа старой Неожиданности званья,
И в жизни шел большой дорогой,
Волшебной дорогой стволы,
Ито ведь иван и не стравлялся,
Ито ведь, зачем он в свет являлся...

Наша беседа подходит к концу. Я прощаюсь и выхожу. С минуты стоя, обдумывая свои впечатления. Поднимаю глаза на дверь, которая только что закрылась за мной, и слышала с некоторым недоумением, вычитывая в надпись на черной блестящей двери:

«Заведующий кафедрой генетики и селекции профессор Михаил Ефимович Лобашев».

Я думаю, что именно этот штрих и должен завершить рассказ о нашем современнике, коммунисте, лауреате премии имени Ленинского комсомола, докторе биологических наук, Сергее Юрьевиче Инге-Вентомове.

Литературный анонс

Олег ПОЦОВ

Олег Поцов закончил работу над романом «Именитый падеж». Это роман о наших современниках, о честности, мужестве. Мужестве не равнодушия, не славянского, а повесельского. Герои романа — молодые журналисты, зоологи, труженики сельского хозяйства.

В предисловии читателю открыто рассказывается о том, как один из главных героев романа, заместитель редактора журнала Максим Улово, идет в командировку, чтобы разобраться в сложном конфликте, возникшем ввиду бытия председателя колхоза «Авангард» Умбинича и теперешним его руководителем Дитяевым.

Альбионские письма подполковнику Гречушину. «Дедо кланяется, — говорит А. Тищенко в вопросах морали большой донца».

Оба письма были против одного и того же человека, председателя колхоза «Авангард» Дитяева. Первое — анонимное, второе — за подписью «Умбин». В почерке сходства нет, но суть писем идентична: человек при власти родовым англом истит.

Спустя полмесяца Тищенко вернулся: «Федор Умбин он же бригадир Новососенской бригады колхоза «Авангард», — фигура угрозы и зловещая. Председатель колхоза Павел Дитяевым выместил в Умбинича злость и злобу, — человек принципом кланово-общинный между людьми. Дитяев — молодой председатель. Конфликт неминуем. Умбин, возглавлявший колхоз в прежние времена, тяжело переживает крах своего председательства карьера и начинает травлю молодого председателя. Вывод: письма Умбинича — заведомая ложь».

Отписавшись Тищенко на редкость скоро, принес очерк — выписки: «Притчу и домсом Федора Умбинича». Гречушину тут же стола, потирая руки, будто автор очерка не Тищенко, а он сам. Максим читал материал первым: написано зло, густо — надо публиковать. Да и автор не с усами пришел.

Отрек редактору. Шувалов пререщ, поставил на неустойчивость человеческой жизни и три дня пребывал в плохом настроении. На четвертый день пригласил к себе Тищенко. Тищенко вышел из редакторского кабинета разъяренный, с побуревшими пятнами на скулах. Подкатива внесенный на стуле плащ и, ни с кем не попрощавшись, уехал. Шувалов долго никому не принимал. Телефон в приемной неравно побрякивал. Редактор не любил совещаться, но это была особый случай. Вечером главный попросил звать Максима. Редактор сидел нахмурившись, не заглянул в глаза. Вечерний полумрак дел редактора покоем на фоне.

Они поговорили. Шувалов толмачу реука, она нехота сползла на край стола.

— Смотри? — Максим кивнул.
— Ну? — Ахко наивно.
— То-то и оно, лихко... М...да...
— Материал достаточно серьезный.

— Серьезный? — согласился редактор, — в жизни вообще несерьезных вещей не бывает. Это только гурмане суть не видят, да из хель-ременивают.

— Емь есть сомнение, ахко повременить, Василий Константинович?

— Повременить? — несогласенно противую главный. — Уж больно субъективны- ты материал.

Я полагаю, объективных материалов вообще не существует. Речь может идти лишь о большем или меньшем степени субъективности.

— Красиво говоришь. — Редактор недовольно коснул глаза на рукопись. — Журналист, утративший чувство меры, перестает быть журналистом. Он тогда как кот, которому отстригли уши. И-да, крепко, стержень нашлся. — Поставил в третий номер. Максим не стал разглагольствовать редактору, чем вызваны его сомнения, куда рукопись и вернулся к себе. Где-то в душе он оправдывал осторожность главного. Но Тищенко почему-то сразу уверовал в его, Максима, поддержку. Отказав Тищенко было как-то неудобно.

«Субъективная заметка» появились в печати.

Сколько шума, подражанский, восторг! Это же надо, столько писем в ответ на одну публикацию. Вот они лежат, альбионы. Три здоровые папки, как кирпичи. Шувалов человек осторожный — ему шум противопоказан. А тут как бек в него восторг. Печатьте и, и инвасион редактору, чем вызваны его сомнения, куда рукопись, что умеем вытравлять?»

Максим подвинул мистика письма ближе к свету, зевнула и стала читать вслух: «...Со мной вы совпадаете, дело несложное. Иные я бригадирству в другом колхозе. Довелось Тищенко так же разглагольствовать, что соседу не понравились. Из партии меня хотя и не исключили, но блякно к тому было. Спасибо, явди честные

ПОЕЗДНО В МОНИХО

Рисунок Евгения ШУХАЕВА

нашлись, такого безобразия не допустим. Человек и по натуре нестерпимый, ослепший. Вот и Себастьян Тимофеевич, председатель ижевский, говорит: «Брось, Федор, наездором жизни идти, работай, ослепшему приходится—грести забудется. Музык ты головопастый, не все тебе в бригадах ходить». Может, оно и так. По ветру плавать всегда спордичнее. А если ветер тот несерьезный, тогда как? Умбин воду мутит. Умбин не один. Умбин сестра сидит». Если такой многопарный, за что же мне одному наказали? Нет, товарищи замечательные, как вы для правды живете, так слушайте, а то скажут, что Федор Умбин одно—брехать может. С председательства меня не снимал никто. Я сам ушел. Пусть документы поверонит, три заявления моих живется. Утромный я человек, верно, неумырчивый. Может и прижмется чуток. В том, что копейку не базарю, грета нет. Конди на дело—дам. Ну, а как на ветер—к другому стучаться посовесту. Освободил меня по состоянию здоровья и на том же собрании председателем ревизионной комиссии выбрали. Целый год лечился. Через год колахо наш укринный, меня на бригаду поставили. Зря я, конечно, согласие дал. Получалось, от своего народа податься—нехорошо. Бригаду я со временем поднял, две благодарности имел. Ну, а помимо всего прочего, потихоньку наше житье-бытье ревизую. Вот тут и заваяла вышла. Лес у нас колахонный есть, гектаров триста. В документах одно, а по обмеру другое получается. Ну, я, почитно, копать стал. Хотел сразу председателю сказать, да осекся, совиние было, а в дурт и нет ничего. Людские мова, она и есть мова, как крупа из дуряного мешка. Нет, дуваю, подождать надо. К тому времени здоровье мое совсем слабоболнало. Сидела пять месяцев лежачим. В больнице лежал, в Москву на консультацию к профессору Виновоному ездил. Два месяца на курорте провёл. Отправился помашеньку. Вернулся я, значит, домой. Тамка, а против меня дело состряпано. Будто я вырубкою скота самолично проводил. Поначалу, често

скажу, растерялся, даже струхнул малость. Кому охота собственное имя поганить? А потом мыслины поразсаяла и говорю: «Не реви, Тоня (это мою жену так звал). Что-то здесь не так... Дело мне злая шает. Рот загнути неслотю. Не иначе, про ревизию мою проважали. А раз так, значит, кое-кто к ислому с лесом казастельство имест—вог...»

Дамше пять многоословное описание умбинских председателей, раскел а пропалых аслухат. И только в самом конце крупными в наклон буквами было приписано: «За беспокойство извините. Дело мое разбора требует. Умбин-Максин аккуратно разложила на столе все письма, получила внушительный белый квадрат размером с газету.

— Не-да... Что верно, то верно. Дело твое, товарищ Умбин, разбора требует. Остается Гречушкин. В конце концов это его моральный долг. Они друзья с Тиниеном.

Максин ситить велимина астучку, запальчивое выступление Гречушкина. «А что, если эти самые письма—споронтерпная аниа? А Дитиев или как там. Дитиев, впрочем, нешажо, человек упорный, целя знает, людей вокруг себя сылоатл и шест к этой самой цели прижонько, и ему откровенно начхать на злобоственное Умбина и камин дорозьяне». Хорошо, красиво говорил Гречушкин. Только он, Максим Умлов, и эти ровные речи ни вот на столечко не верит. Хватит, надверился. Теперь уж как ни крути, раскельбаты эту историю придется ему, больше некому. Редактор болел, последнее время он часто хворает. На старика стоило бы обидеться. Выслушал подробный отчет, письма умбинские прочел, заплакал в стетывый хлат и сидит как сам. Ни да, ни нет—думает. А потом возлин и скажи:

получалось. Уже на второй день по дворам шептались: Ульябин-де в Москву пакет привёз. А еще через день Дятлева прямо на работу рубили: «Иван,— говорят,— выключите!— не жалоба писал, дело тут другое».

— Скажи и на меня смотри. С тех пор я как метеный по деревне ходил.
— И вы смолчали?
— Да уж где там? Мовет, погнем. Лошак молчал поостыла.
— Вы виделие, во храни?
— Это верно, прешу садиться. Но-убо, нустрый!
Двуколка легко перевалилась через габустро колево, с комом полетела заминная гравь, рессоны хороню отозвались. «А-а-а», и они резво покатали по нетронутой хребтинке лесной дороге.

— Чего за трактора,— говорю,— то терню, недомерсты. Не тем ядкие технику доверла. И с животноводством не все ладно. Ужало молочко. Но ведь и по молоко ужо. Ну, а если от людей жалоба есть, то можно те жалобы разобрать. А что касается клевет, то я сам в этому делу нарба неприученный. Ладно в журнал я писал. Не отговариваю. За свои слова в том письме отговариваю. И как добрый совет высказываю с удовольствием».

— Аутне бы я этих слов не говорила. Дятлева мужик крутой. Ну, думаю, места на мне свободного не останется. Отмаргнет сейчас с ног до головы, а он нет, возмразивание провинил.

— Эри Федор Акимич, Эри. За такую выработку как ты провед, под суд отдавать надо. Видели, кто забросил?
— Ну, это,— говорю,— ваше право. «Это не разговор, Федор Акимич. Ты в молочковом деле человек заметный. Второй дилетант— это и авторитет колхоза Марата. Если не закончилось молоко, выйдите в товариществе из Москвы. Человек он здравый, с понятием. Если, говорит, товарищ Ульябин письмо свое аннулирует, мы, со своей стороны, настаивать не будем. Твое дело, Федор, какое решение принять. Нам с тобой делать нечего, а молоко осяланм. Давай свой рас-решен. У нас народ ответственный, каждого должное воздадим».

Ульябин громко влохнул. Было так негласично, что он жмет не просто вспомнить, а еще раз пережить весь разговор.

— Ну, а вы,— Максим не выдержал затанцевать папуа.
— Сами, дума, интуризм, интуризм, интуризм. Ну, и понинто, муштру. Если, думаю, Дятлева решит, зачем ему это разговор завести? Мужик он молодой, как куекти. Ди и сам я такой. Бери мя под ногом и дави, как тварь злобную, на кривизну и мерзавца. Ну, а раз ты разговор с почетомн заводи, значит, нет в тебе уверенности. От такой мысли не стоило понапускаться. Смотри на Дятлева. Если бы не беспокойство ни в одной из статей, Саша бы сама, Саша бы самай подлинит, поймает. Подлинит, опять поймает. Это для успокоения нервов.

— Ну,— спрашиваю,— домо мы будем в молочку интури? На такие слова я, понинто, трыкнул расхопом.

— Не надо так в Иван Андреевич. Делать мы с вами нечего. Это вы верно заметили. За на мое братидство быть не может. Сам просям,— здорово сладо. Значит, корыстного интереса в поустине мое нет. Правда, она всегда лодье на ноги ставила. Только вот в справедливости разбора лесных машинаний я очень даже сомнеюсь.

— Каких таких машинаний, Федор Акимич? Ты говори, да не заговаривайся. И так он лицом отяжелел, меня даже оторопъ выдал. Молодой, а страх на людей нарочно изучался. Только меня не удивляет. Я сам этим делом баловался. Ехал ты окопом страха себе работать горала, мужик тебе только и гордохотю твое пропустит. Ну, а если нет, сам себя благодарю.— Выкуй и, не оченъ у нас примирение поучается.

— Ладно,— говорю,— Иван Андреевич. Спорить не будем. Жизнь мудра, она и раскудит. Ввад свой парту вна водку. Вот такие дела, товарищ журналист.

— А вы, дела подходеите. И не смейте.

— Копилочка... Веселья мы человек, Максим Семенович. Этим разговором все началось. А конча и поинте не видно. Только об этом в другой раз. Приехали мы.

— Миражна ульябинская усмешка завершила распол.

— Иван слуств, я ведь самант послал. Скажи я вам все разум, может, и не захеска боле. Но Иван Тивенцо боже мне, считаи, бел моя написала. А куда— куда денешься? Заедуш. У вас свои задача, у меня— свои. Ехал ты в моем деле разобраться, желалши, меня ужал,—первым выслушал. Плохое мое дело, хороще— другая слуха. Но я з себя не выдумываю.

— Время шао, а суть провинилась но калле.

— Допустим, Тивенцо неправ,—раскудил Максим в минуту вынужденного односторонства.— Невинажно ка Ульябину—ошибка, и ошибка доподлинно зрима. А чем он учувств?

Он действительно не знал, что предпринять, как расвинать Ульябина. Он не успел случая поставить под сомнение правдивость собственных слов, все это делало его неуверенность настолько откровенной, что ее стал замечать даже Ульябин.

Тогда-то и родилась незастывшая идея поехать к Дятлеву завтра. А почему нет? Встреча с Дятлевым не только естественна, она необходима. Ульябинскую обиду он как-нибудь переживет. С другой стороны, узнав Федор Акимич о его поведении, уйдет он непременно, ульябинское откровение сразу ставится под знак вопроса. Уж в какой-то момент Ульябин подумал, что он не успеет ничего сказать.

— Как же поступить? Ж-э-т, по крупице собирать материал обожженного бригадир-а? Где гарантия, что завтра он будет откровеннее, чем сегодня? И потом эта уборочная кутерьма. Дель, конечно, иногда не переделываю. Остаются вечера. Но это вырвет, это не в расчет. Придется о это бетстве главному—отговаривать голову. Ладно, решено: он едет к Дятлеву. Как объяснить? Обычно: уехал на почту. Слава богу, она в соседнем селе.

Увидев в коридоре незнакомого человека, Дятлева не смутился. Тамтые, в наем брону сомкнулся у переноски, серые внимательные глаза на секунду вспыхнули, затем стали интеллигентно густеть, словно отступали назад и ждали

идеалка разглядеть приезжего. Дятлеву уже сказали, что его ждет какой-то товарищ.

— Вы, бо, ко мне?

— Максим обернулся.

— Видимо, есмь вы Иван Андреевич Дятлева.—Лучше его сразу распознать к себе, будто откровенно.

— Не сомнибась, откажися на Дятлева.

— О чем вы говорите? Не же самое при упоминании фамилии Углов.

— Они поехали.

— Чем обрдуете?—Дятлева назвал мятую пачку «Беломора» и долго надушывал оставшуюся в цемости шапурку.

— Собственно, я по делу Ульябина.

— Лидо Дятлева не выразило недоумения ни растерянности. Оно просто повернулось к собеседнику. «Разглядный меня,—говорил лидо.—Если можеш, читай мысли. Ты жеешь слушания,—напросто. Человек, стоящий напротив тебя, задаль, когда он сомнибась последней раз».

— Ясно,—кинула Дятлева, давая понинто собеседнику, что удивить его не так просто.—Значит, не утомонись, все пишеш.

— Пишет...—

— Ну, когда есть время, пусть упражняется. Вы, полагаю, суть истории знаете?

— В общих чертах.

— А там четких не было, только общие... Вы, что же, историю с продолжением намерены печатать?

— Как поучиться?—Максим пожал плечами.

— А, ну чти же...

Максим посмотрел на председателя, и немолко почувствовал, как понапад под власть этой небрежной историчности.

— Дело не в продолжении, Иван Андреевич. Человеку присутствие как все слышалое, так и в слабости присутствия—это только человек. На чужой рот не накинешь пухом. Приходится убеждать.

— Вас, кажется, Максим Семенов?

— Тотто.

— А ну чти, ма, Максим Семенов. Человек человеку рознь. Ему и то присутствие и это. Весь вопрос, чем в нем больше—дерзости, я извинюсь, или этой самой положительности, без которой настоящего труженника, как без хлеба поста, не выжить.

— Это Иван Тивенцо предосторожно это дело изучил. Весь смысл район на ноги поднял. Ределит,—два товарища, Максим Моисеев, у вас все работает.

— Товарищ Григорий Константинович—мастер своего дела.

— Дятлева очевидно знал повод.

— Эшкюмо-дических знавал товарищ.

— Дело не в сомнениях, лидо, Иван Андреевич. Надо раз и навсегда этот бессмысленный погоним прервать. Ульябин, кажется, у вас работает.

— Дятлева поскреб затвердевший и костряный подбородок. «Ишь, дурочком прикидываете. Где Ульябин работает, не знает. Поди, полавля карманм пишем от этого физика. Там каждый инт описан».

— Да, товарищ, вы правы, инт, инт, инт, инт, инт... после такой нечестности в глаза смотреть совестно. На всю страну трудовую коллекцию осяланм. Как бирю района прошаю, инд три крутильм и схелал.

— И куда?

— В какой-то километре сорок по прямой, к Ларину, Колхоз «Впереди».

— И как же вы там работаете?

— А это уж вы и товарищи Ларина Севостьяна Тимофеевича спрашивайте.

— Да-да, естественно. И все-таки в толк не вошло. Вроде и человек уважаемый и добрый, а он продолжает наперекор здоровью смыслу. Почему? Может, у него с семьей что не так?

— Нет-с, с семьей у него порядочко. Хорон и рожей не вояка, а семья крепкая. С женой в любви и согласии живут. Мария, она под стать ему—нерадостный человек. Дети—два мальчика, оба хороши, очень умные. Но вот голодомать, это не его дело. Нутро у него хорошее. Значит, известно. До объективности колхоза Ульябин председателям стоवाल. Может, неважно хозяйство, а голова. Он меня в личные враги определил. Дескать, я его из той упряжки убрал, подвелал. Дурак, не Дятлева эти вопросы решает.—партия. Так и сынтая, товарищ журналист?

— Дятлева скачка удареине на «так», поучившись это некодандно, Максим шарогнуло.

— Видямо, так.

— Вот именно, так. Ко всему прочему заболел он. Мы его в санаторий—отдавай, делал, делал. Боли К-попысали. Все мы помели. Ирини янаше: уважение и воляга ведущую бригаду. Она двух старых колхозников стуч. Суду на два старичку сына выдала. Пусть все ульябинское руо на земле корини нутит. Не кто-нибудь, а я его предидеителем ревизионной комиссии предлоказо. Мушкэ хозяйственной, производственной, общественной работы. Видямо, надо похвалася. Наставила клатки, няска. Я его к себе пригласил, узрешить хотел. «Бурак,—говорю,—Федор Акимич, навот заменивать. Увидел несостоятельность—скажи—меры принять».

— Ну и что?

— Ну, что? Дурочка! А потом зада, у него вложу клевету настроила. Глаза на правду решва отыгнул. Подпошью ревизию учинил. Их, ладки. Из-за какых-то пятисеки три кубов елкам колхоз марать... Впрочем, о ладках ладки в коридоре вышпалит, исподручю. Прону, утворю дверя направио...

— Сидячий, впрямую не рассудит, а все больше. Властво выпалит под кабинету, тяжело жемалка, руку, чтобы тут же в рамку рубануть выдолба, а значит, достаточно зримо отделить мир Ульябина от мира Дятлева.

«С этим делом покочено,—всем своим видом говорила Дятлева.— Но я всемадушная и готов пошнеть прозреть себе одному несерушному».

— Какое прельство осердочничать? Не отговаривайся, товарищ, который продолжал грезить в пошнеть не в меру длинного, необжитого кабинета.

— Он мне все на язык вывал. Мои, она раскудит. Есмь бы не Ларин, к чертовой матери инт партии попарил.

— Дятлева—максимумовая Максимум.—Ларин, значит, был протин?

— Дятлева несестственно дерулся, будто репина Углова оказалась под ногой и ему ничего не оставалось, как только сполкнуться об нее.

— Само собой. Все обшечеловеческий гуманитарно пронюветуе: любви ближнего своего, доброты, уважения к личности, к личности человека. Хорони чмам борче

— Еще деле побуду, совсем запутаюсь. Есмь эмит, то цену емь нет. А может, действительно правоту само чувствуют. Прет, как там...

— В дверь постучала. Дятлева остановился, посмотрел на дверь, потом на собеседника, который так выискивал его отношение к этому стучку.

— У вас дела, а я с распрямасы надеждою.

— Пустое,—отмахнулся Дятлева.—Дела при мне остануться, а вы уедете. Подождаю.

И Иван Тивенцо, отойдя от этой удивиме «подождаю» к лядям кои всем делам, которые все равно не переделывашь.

ПАМЯТЬ

Владислав ЯНЕЛИС,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты
«Смена»

БЫВШИЕ ПОЛЯРНИКИ ВОЗЛАГАЮТ ВЕНКИ К ПАМЯТНИКУ БОЙЦАМ 6-Й ГЕРОИЧЕСКОЙ БАТАРЕИ, УСТАНОВЛЕННОМУ КОМСОМОЛЬЦАМИ В ЦЕНТРЕ МУРМАНСКА.

Сколько же прошло лет с тех пор! И мы успели вырасти, и у многих из нас уже есть дети. Они не знают, что такое война. Когда наша колонна затормозила на восьмидесяти километре Мурманского шоссе и они, выискивая из автобусов, с ревом и гиканьем рассыпались по кустарнику, это было в порядке вещей. Через двадцать минут ребята натащили к дороге груды старых гвоздей, пулеметных лент, осколков и прочего военного железа, пролежавшего здесь с тех самых времен...

Пожилый человек с орденскими планками на пиджаке склонился над этой грудой и, выудив откуда-нибудь проржавевшую мину с оперенным, сказал: «Вот такой штукой убили двоих наших. У меня на глазах. Одному из них не было и восемнадцати. И сразу стало тихо. Мальчишки опустили головы и задумались. О чем? Может быть, о том, что они сейчас стоят на земле, где, давным-давно, по крайней мере для них, шел бой и умирали советские люди. Умирали за их счастье. А они вот порой не знают, что им делать с этим счастьем».

Потом загрузили автобусы, колонна двинулась дальше. Весь остаток дня ребята были необыкновенно серьезны и сосредоточены. Они вспоминали то, что было до них, вспоминали той памятью, которая по неподвластной природе законов истории переходит от отцов к детям. Это память народа, она в нашей крови и в нашей земле.

Тридцать два года назад так же краснели листья карельской березы, а по утрам освещивали на солнце озеро, тронутые первым прозрачным льдом. И еще, говорят, в ту осень обильно ягодились брусника, которой здесь великое множество. Так же незбылимо стояли бурья сорняк и катия воды в долине Западная Лица.

Гитлеровцы рвались к Мурманску. Завзятые административный центр Советского Заполярья с его портами и железной дорогой, они становились хозяевами Кольского полуострова, открывали себе путь в Карелию и дальше на юг. Сознания преимушества, которые сулила оккупация полуострова, фашистское командование бросило на Мурманск корпус горных егерей генерал-полковника Дитля. Это были хорошо вымуштрованные и отлично вооруженные части. Гитлер,

служивший когда-то ефрейтором в этом корпусе, особенно жаловал егеров и верил в их необходимость.

Подступы к городу защищали морская бригада, 14-я и 52-я стрелковые дивизии. После двух с лишним месяцев тяжелых, кровопролитных боев противник, имея почти тройное преимущество в живой силе и технике, прорвал фронт и, обойдя левый фланг обороны 14-й дивизии, вышел к озеру Куурри-Яар-Лубол. Отсюда открывалась дорога на Мурманск.

5 сентября первый секретарь обкома партии Максим Иванович Старостин поднял по тревоге областную партийную организацию. Нужно было принимать срочные меры для защиты Мурманска. В тот же день по инициативе обкома, на основании директивы Военного совета 14-й армии, началось формирование стрелковой дивизии из добровольцев — коммунистов и комсомольцев. Она получила название «Полярной» в память о дивизии, защищавшей Кольский полуостров от англо-американских интервентов в 1918 году. И как бы ни менялся потом номер дивизии и ее наименование, для мурманчан она навсегда осталась «Полярной».

Запись проходила в цехах, в районах, в школах, в госпиталах, в леспрохозах. В ряды Полярной вставали все, кто способен был держать в руках оружие. Добровольцами отдавали свои винтовки дружинники, милиция. Некоторые шли со своими ружьями. Всех объединяла яростная ненависть к фашистам, желание биться с врагом до последнего дыхания. И уже жила в сердце каждого бойца память о подвиге шестой героической комсомольской батареи. Вот ее краткая история.

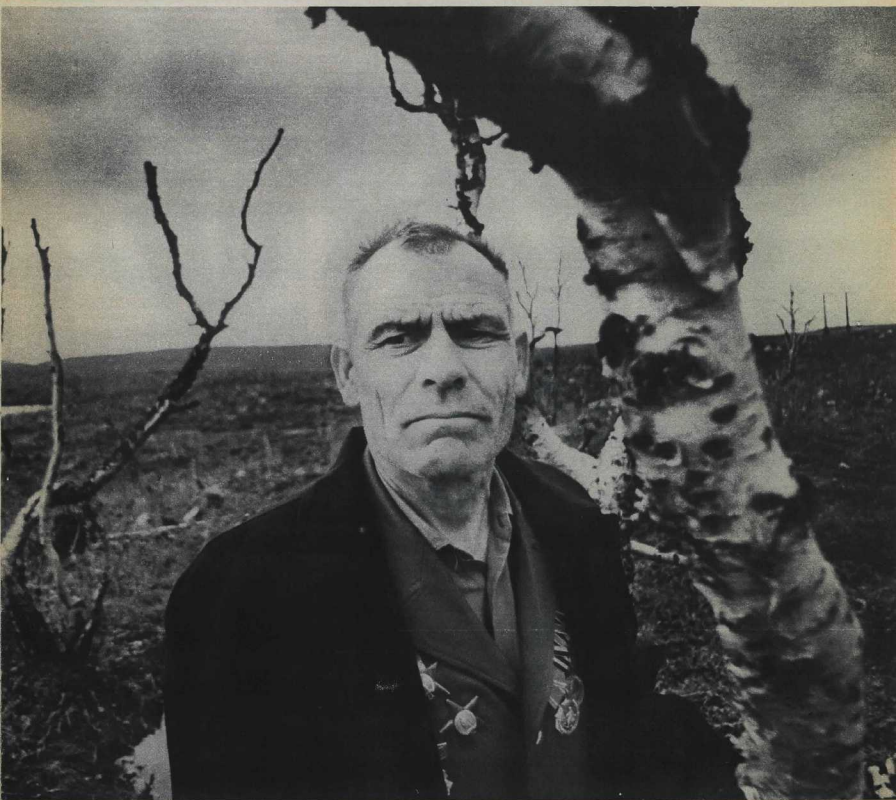
Заняв выгодную позицию на одной из высот, батарея под командованием лейтенанта Григория Лысенко несколько дней отбивала атаки противника, не позволяла врагу оседлать развилку дорог на Мурманск и Печенгу. Окружив артиллеристов, фашисты постепенно сжимали кольцо вокруг батареи. На третий день бой погиб батальонный комиссар Шевченко, пробравшийся на позицию

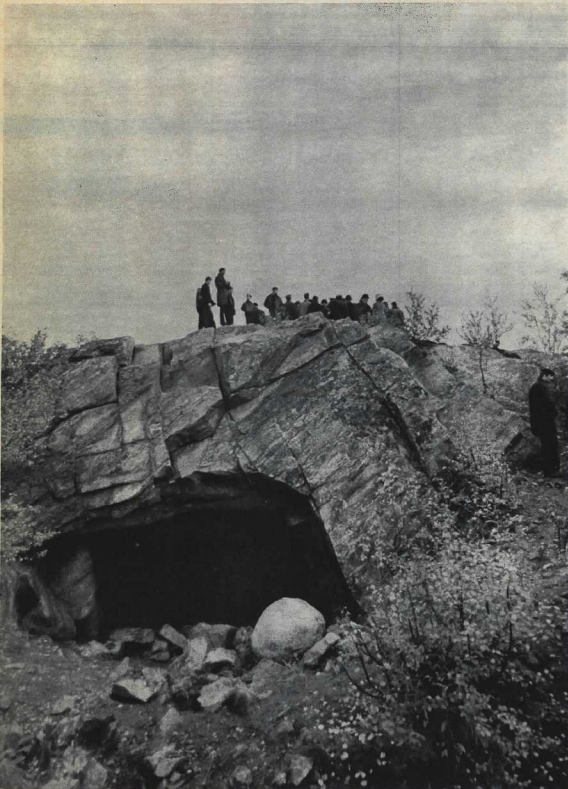

МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ

51-й КИЛОМЕТР МУРМАНСКОГО
ШОССЕ. ПЯТИКОНЕЧНАЯ ЗВЕЗДА
ИЗ ГРАНИТА НА БРАТСКОЙ МО-
ГИЛЕ ЗАЩИТНИКОВ ЗАПОЛЯРЬЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

ЗДЕСЬ КОГДА-ТО РАЗМЕЩАЛСЯ КОМАНДИРНЫЙ ПУНКТ ДИТЛА.

батарей в самые трудные минуты и возглавлявший оборону, убиты и ранены две трети личного состава. Но батарея продолжала сражаться. Каждый выстрел гаубиц нес смерть врагам. Когда остался один-единственный снаряд и фашисты ворвались на батарею, Григорий Лысенко скомандовал «Огонь!» в последнюю раз. В стволе орудия был песок. Гаубица взорвалась, разметав в стороны гитлеровцев. Погиб и Григорий.

На том месте сейчас стоит обелиск, на граните которого выбито 37 фамилий героев-комсомольцев.

В ночь с 13 на 14 сентября 1941 года первый полярный полк вышел к озеру Виль-Явр и вместе с частями 14-й дивизии с ходу атаковал фланги и тылы противника. Отсюда, с 48-го километра Мурманского шоссе, началось боевое путешествие дивизии.

...Я сидел в зале Дома офицеров рядом с седо-бородым подвыпившим человеком, который то и дело ткнул за рукав своего соседа — полного, важного, со строгим лицом, — и шептал: «А это кто, Василь Захарич, рядом с Штатиним?» Или:

«А Хабаров-то, гляди, какой орел, и годы его не берут... Василья Захарович Воробьев, бывший командир завода, в котором служил его сосед Петр Федорович Кузнецов, сулил брови и коротко ронял: «Тыко ты, Петруша, потом, дай послушать», «Ишь, послушать!» — обижался Кузнецов, — а тебя, почтитай, четверть века с лишним не видел, отсюда до Борхольма вместе отшагали, а он — послушать...»

Да, эти люди встретились после войны впервые. Их не так много, ветеранов Полярной С 1941-го по 45-й состав дивизии несколько раз обновлялся, иных война разбросала по другим частям, следы других затерялись уже в послевоенное время. А на тех, кто остался цел, не все знали, что совет ветеранов дивизии вместе с Мурманским обкомом комсомола решили собрать солдат бывшей Полярной в Мурманске. Призвали на встречу из Казахстана и Кыргызии, с Алтая и Украины, с Волги и Дона, из Сибири и Ленинграда, пришли и те, кто жил в Мурманске.

Они останаивались друг против друга и с минуту молчали. А потом начинали осторожно:

— Третий пулеметный, что ли?

— Он самый.

— Иван, ты вроде, а?

— Ну, а! И навалились друг на друга и мяли в объятиях и смеялись. И плакали тоже.

Затем опять раступались на несколько шагов и удалялись:

— А ты как будто моложе был и не толстый.

— Да и ты вроде тогда с шевелюрой ходил. А поди-ка сейчас голова, что выкошенный луг, стала.

— Годы, Иван.

— Оми, Коля!

Вот так это и происходило.

Во время перерыва торжественного собрания, с которого началось слет ветеранов, я записал рассказ Петра Кузнецова.

— Я тогда в госпитале лечился, в Тиговке, это если от Мурманска к финской границе, то километров сто будет. Как немцы опять в наступление пошли, наш госпиталь эвакуировали под город, а потом и вовсе хотели в дальней тыл отправлять. Рана у меня поднивала, и на хотелась на простынях отлеживаться, когда такие дела начинались. Узнали мы в палате, что формируется Полярный, и пошли целой командой к начальнику госпиталя: отпустите, мол, на фронт. Он подумал, качнул головой и говорит: «Я вас, братцы, в другое время подержал бы еще, но раз такое дело, идите». Ну, мы первым ходом в военкомат. Поскольку народ уже обстреланный, получили каждый по винтовке, обмундированию свое было, и стали мы бойцами третьего Полярного стрелкового полка.

Народ, я вам скажу, разный в полку подобрался: тут и учителя, и рыбаки, и лесорубы, а роте даже охотник-жукт был, он по каким-то своим делам в Мурманск приехал, там война его и прихватила. До дома далеко, ну, и остался. И рабочие были среди нас, и бывалые солдаты, и совсем еще зеленые ребята. Ну, это только до первого боя. Тот жукт потом, помню, Иваном его звали, настоящим героем стал, большого мужества человек оказался.

Вот с Воробьевым мы и воевали, это сейчас он такой важный стал, страшно подступит, а тогда мы все на один лад скроены были, одно слово —

УХА УДАЛАСЬ НА СЛАВУ.

комсомольцы. Сколько мы с Василием из одного котла этой войны хлебнули — на птерых хватил. И он меня не однажды выручал, и я его, дело-то военное. Две раза еще я в госпиталь лежал, но от поля не отбавился, так до конца в Полярной и был. Как война кончилась, домой поехал, в Мурман, есть там такой Инсарский район, совхоз Верхне-Лузинский. Жил как умел, детей растил, работал, в виду на все руки мастер — и столярному, и пахот, и дом сложу будь здоров. Ну, а как шоловики меня разыскали, я с Воробьевым списался, договорился в Мурманске встретиться. Я к директору совхоза пришел. «Густи,— говорю,— на неделю своих «полярников» поведать. Он мне: «Жаж, Петр, святое дело».

Так просто рассказал он мне о своей жизни и о том, как застрял первого фашиста и как целый год ругался с бригадиром, который не хотел коронник ремонтировать. Послушавшь Кузнецова, ничего особенно героического вроде и не случилось, надо было везать — воевал, надо было работать — работал. Как и все, кто называет себя солдатами Полярной дивизии. А помню лишь это одно «надо» на все тех, кто защищал Мурманск, и становится непонятно, почему город не достался врагу.

Через много лет после войны был такой случай. В известном мурманском ресторане «Артикман» (сейчас его уже нет) ужинала группа немецких туристов. Когда гостям подали десерт, один из них, невысокий, уже немолодой мужчина, встал и произнес тост «за героический город», а затем попросил переводчика громко его перевести. «Я был приглашен на банкет в этом ресторане осенью 1941 года», — сказал немец, — и попросил сода только через двадцать пять лет. Теперь я здесь как друг и бесконечно рад, что вышло все именно так».

Он был офицером одного из артиллерийских подразделений, действовавших на Мурманском направлении. Дважды Гитлер назначала окончательный срок взятия города, он был уверен в том, что очередное наступление сломит сопротивление защитников Мурманска, и среди гитлеровских офицеров уже распространились приглашения билеты на победный банкет. Судьба распорядилась иначе, вернее, иначе распорядились эти люди.

МАЛЫШКИ ВСЕГДА ОСТАЮТСЯ САМИМИ СОВОМ.

...Он шел к трибуне, одергивая на ходу пальто, долго не мог начать; смотрел в зал, откашлялся, кохкал в руках какие-то бумажки. Затем, сунув листки в карман, заговорил быстро и открыто, точно боялся, что не успеет сказать всего, что хотел. Слова у него получались вовсе не трибунами, и сам он гляделся из зала, несмотря на повлекшую форму, довольно-таки буднично и как бы случайно. Но, может быть, именно поэтому его слушали с необыкновенным вниманием, угадывая в том, что он говорил, большую мужественную правду.

А потом мы ехали с Николаем Ивановичем Шапкинным в одной машине вдоль Западной Лицы. У него на коленях лежала оперативная карта этого района, сохранившаяся с тех лет. Полковник сверялся с ней и время от времени начинал быстро рассказывать, возвращаясь памятью в сентябрь 41-го года:

— Действия нашей и без того малооцифрованной артиллерии были крайне затруднены, местность видна была только с воздуха, работа, работа, работа на подбросище, каждый метр дороги простреливался немцами. Мы прятались за валунами, долбили мерзлую землю, чтобы хоть как-то скрыться от осколков. Наступать было особенно трудно, егера сидели в траншеях окопав полного профиля и засыпали нас минами.

Он показывает рукой на обрывистый южный склон Чертова перевала:

— Батальон брал эту высоту с востока, а мы с Сергеем Еришовым сидели в воронке на противоположной стороне и держали под огнем подходы к перевалу. Самая жара началась, когда егера не выдержали и скатились вниз; мы были по ним метром с тридцати. Ну и они отвечали, естественно. А все же мы их загнали в реку и заставили отойти на западный берег.

На стоянке Шапкин оклинул своего бывшего пулеметчика Сергея Тимофеевича Еришова, и они пошли искать ту самую воронку. Нашли. Еришов раскопал носком ботинка землю на дне заросшей Ерусиной воронки, и оттуда выкатились несколько гильз от «шквалов». Шапкин Еришова постолял несколько минут молча, положили в карманы по гильзе и вернулись к колонне.

Враг потерял на рубежах Западной Лицы более двух тысяч солдат и офицеров, много артиллерийских минометов, транспорта, лошадей. Не выдержав удара «полярников», гора отойдя за реку и укрепились на западном берегу. Смертельная опасность грозила Мурманску, отступила. Оставив надежду взять город, западные гитлеровцы бросили войска на Кестеньское направление, рассчитывая перерезать Кировскую железную дорогу. Там их вновь встретила Полярная дивизия, к тому времени пополнившаяся новыми людьми отодрушения. Станция Лоухи, поселок Великая Губа, озеро Безымянное и Капенец стали географическими координатами мужества бойцов Полярской Дивизии, сражавшихся на самых трудных участках и не зная поражений.

После разгрома гитлеровцев на полуострове Полярная перебазировалась на 2-й Белорусский фронт, участвует в освобождении польских городов и сел. Последняя боевая операция дивизии — высадка на датские острова Борнхольм и Коллеб и пленение 12 тысяч солдат противника. Первым на Коллебг десантировался батальон майора Петра Хабарова. Тогда же майору Петру Хабарову, Спрыгнув с катера, он, по подброске в ледяной воде, с пулеметом в руках, дошел до берега, а потом бросился в атаку и увлек за собой батальон. За умелые действия в ледяной воде Хабаров был награжден орденом Кузнецова II степени.

Сейчас он живет в Бийске, работает начальником крупной лесозаготовительной конторы. Работает в Мурманске, он из гостиницы почти каждый день звонил домой и интересовался, как ремонтируется трактора и как ведет себя техника на полях. Если в Бийске что-то не ладилось, Хабаров ходил несравненно и молчаливее, чем в Мурманске, но там же все идет не так, как надо. Дело в том, что он надежда остался военным человеком, сохранив в себе командирскую ответственность за успех операций, порученной ему, комбату Хабарову.

Что память защитников Заполярья, по военным дорогам на места боев приходит молодежь Мурманска. У братских могил, у гранитных памятников, устанавленных в суровых условиях, ребята клянутся в верности делу отцов войны, в Долгие Славы первый раз в жизни салютуют пионерам и рапортуют о трудовых победах комсомольцев героического города. И мурманцы, и мурманки, с которыми мы начинали наш рассказ, учась любить свою Родину, как любил ее люди, отдавшие жизни за ее малочисленные счастье, и ненавидеть ее недругов, как ненавидели они.

амерзский визный залив... Ощирялся по всей линии горизонта, встал на дыбы, словно перед прыжком, гигантская волна. Ее венчала белоснежная пена. Казалось, еще мин — и волна повалит себя с гротом в скалы, разлетится на тысячи синих брызг. И со вздохом уплывет обратно, унес с собой песок и мелкую гальку. А ты все так же будешь стоять посреди туманного шлама и опущать страшно недоумшие оттого, что только что свершилось у тебя на глазах: мощней, стремительней накате, смешивающийся жалобным, беспомощным шепотом отступлению.

И поверла взрешкой замерзшей нос, прищурила глаза и сквозь слезы, названные настырным ветром, взглянула еще раз на белоснежное ледяное пространство. Выглянула солнце, и тысячи снежных ослепших голубых разлозгов. Сваленный кем-то снежок ткулся в воронки, расплылся и холодом обжег щеки. А солнце, будто расплавились, вновь завололо собой благодатную землю — оранжевую, как самый слепой из альпийских земель со звуками и словно бы равным именем — Афраина.

И попала в эту страну, как в скачку. Замерев от ошеломляющего сочетания орошаемого и гудящего, слыла себе мысленно: «Ты же слышишь...» — и очутился лицом к лицу с океаном.

ноть, как эти малыш и их невротичной горе, или же наборот набить столько воздуха в легкие, чтобы криком своим опоминуть весь мир о бедствии, которого не может, но должно быть на нашей земле!

Надо было что-то сделать, а в стояла и не знала, как мне быть, мне, человеку на другого, гудящего, доброго мира. Я никогда прежде так явно и определенно не ощущала великой правдыности того строя, который гарантирует людям отсутствие безработицы, голодной смерти, ужаснейшей мольбы о куске хлеба. Это чувство, это остро ощущенье приходило ко мне каждый раз, когда Афраина вступало безжалостно вставала напоказ свои крошечные раны.

Отрочками торговые рыды Медины оповлаживали разномыренными лич и хитроумных приемов заманивания покупателей. Это был колоритный, расчарный кафедрокский, где малейшее изменение ракурса меняло, небрежно раскидывало разномыренные пятна в новом пейзажидном сочетании.

От всего удивило, услышанного начинала кружиться голова. Обложившись от дерзнейший коммодант на стейка и на стейка, как будто повалилось около торгова зажималками. Зажи-

И забрала зажималки. И теперь, когда (в который уже раз!) ощущаю в руке мизанглический холода, той сущности и памяти вновь и вновь возникает мой разговор с феноменальным африканским ребенком:

— На, забавный.

— Да, да.

— Помажуйте. Заходи еще.

— Откуда ты знаешь русский язык?

— Откуда? А у нас русские моряки часто бывают. Они говорят, а в слуху и не только русский язык — еще французский, английский, итальянский, испанский, немецкий... Но немецкий хуже... А у еще один швед ходил, так я с ним можно говорить мое. Здесь рядом порт. То моряки сами заходят, а то я захожу к ним, и я сам ставлю моряком. Обязательной! Тогда, может, и к нам придут. Сказуй, купи еще очки. А!

— Да не, спасибо. Пора мне. Я пойду.

— Тогда до свиданья!

До свиданья! До свиданья, которое, навро, никогда уже не состоится. Если еще однажды судьба забросит меня в твою страну, которая стала для меня синонимом языка, которую я полюбил и по которой, я знаю, буду скучать, да если даже и состоится еще раз эта поездка, то, конечно, я найду этот торюмый ритм и буду ощущать все так же, как сейчас. Но не забуду тебе чинку — торгова зажималками, веселого и об-

ОБ АВТОРЕ

Впервые в полномасштабном фильме Марковича в составе Московского театра молодого зрителя. Впервые скандаль, а бал в артистической среде и с радостью наблюдал весь ярок, талантливо исполнивший молодую актрису, небывалая выпускница Театральной училища имени Б. Щукина, роли в спектаклях "Бурбог венеции, Ваше Высочество!..", "Мой брат играет на кларнете", "Мой капитанья Прогресс", "Да ты, добрый!".

А в начале Катя Маркович стала исполнять главные роли на сцене Московского театра "Современники" Оля Валентина и спектакле "Валентина и Валентин". Названия в "Объявлении" историче-

Тонкое психологическое проникновение в мир молодости. Неподробность освоения процесса жизненных событий — эти черты актрисы обратили на себя внимание наших кинематографистов. И вот Катя исполнила роль Галы Чертерак в фильме "А зори здесь тихие...". Гала Чертерак мечтала стать артисткой. Но ее мечта не сбылась. Она родилась в бедной семье. Она пошла учиться в театральную школу артистки Кати Маркович. Затем Катя сыграла одну из главных ролей в картине "Дела серьезные", рассказывающую о великом гуманистае советских врачей.

Катя исполнила и зарубежные страны, являясь членом делегации наших кинематографистов. У нее много фильмов "Смисля", стильно исполненные в роли в кинофильмах, посвященных путешествию в Марокко. Там пройдал фестиваль советских фильмов, и Катя Маркович была ее участницей. И так, давай отойдем в Марокко!

Сергей МИХАЙЛОВ
Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии

Из путевого блокнота

Екатерина МАРКОВА,
артистка московского театра "Современники"

Я всегда думала, что онеи — это то же море, та же ласковость ритмичного шуршания приливов и отливов, это отход для утомленных глаз, носой, живительность, бадымая, вращующий мозг и нервы. Но нет, онеи — это нечто другое. Как мальчик Кей, создававший от без остатка свои глубины и неспокойные впадины в единое, невозможное для понимания, но буднично звучнее поватие — вечность.

Малдыя — так называются самым необычным и привлекательным для туристов местом в любом городе Марокко.

В глаза все еще стоял только что увиденный нами мизангли Мухаммад. Он казался гигантским золотым слепком. Но мы уже шли по Медине, и ослепивший нас немилосердно роскошью мизангли высветился на памяти страшными картинками беспощадной, разрывающей все представления о том, какой должна быть человеческая жизнь, немилосердия бедности.

И оторопела, не зная, что делать, когда мне в глаза заглянули обезумевшие от голода, блестящие, стертые, совсем индусские глаза. Девочка ткнула меня за руку таять тоненькими косточками и одновременно сжимала у горя уеза выгоревшего на солнце платка. Из платка высвободился несчастно крошечная голова другого ребенка. Я не знала, что делать... Надо было прервать дышать, оце-

лод было невротичное множество. И, чтобы своим бедствием не привлекать внимание других торговцев-зазывал, я стала терпеть зажималки, разглядывая экзотические изображения природы, то альпийские, то неожиданно пригородные.

— Помешай-ка оту.

Темная ладошка протянула мне зажималку. Я подумала, что осмелилась. Смуглое лицо курчавого подростка, торговавшего зажималками, вытяла, измощенная одоюка — и вдруг чистая русская речь.

И машинально зашла с ладошкой зажималку, чиркнула врозь и попробовала, что она не очень-то хорошо работает.

— Почему плохо? Отчеда тебе хорошо работает... Мальчик отборуд у меня зажималку, чиркнув раз-другой, जोко выхватил еще одну и протянул со словами: — А куда, покорубя оту.

Мальчишка-торговец разговаривал со мной на моем родном языке, разговаривал уверенно, без малейшего намеса на акцент или нечеткое произношение. У меня, навро, в тот момент было настолько озадаченный и растерянный вид, что это рассмешило мальчишку. Он फिरнул, довольно фамильярно ткнула меня кулаком в бок и поперывала: — Бери эти все, отдам за три дерхама. И кинула головой, будучи не в состоянии отвести глаз от смуглого, курчавого чуда. А тот завернул зажималки в бумагу, протянул мне: — На, забавный!

пительного обрамления, говорющего о покупателям на розном языке. Но ведь тебе не будет уже здесь, мальчуганы! Я надеюсь, а хочи верить, что ты будешь бородить моря и океаны и встретишь на своем пути добрых людей, которые пожелают тебе хорошего. Ты же можешь увидетьного дара, отпущенного тебе. Счастливо! Да ра воспринимай язык любого чужестранца с легкостью виртуозного музыканта, обладающего способностью, никогда не фальшивая, она слух воспринимать самые трудные звуковые рулады.

Это грустно — говорить "до свиданья", заручившись тем, что твой друг равно: "До свиданья! Я желаю тебе удачи!"

Почти каждая вещь постепенно становится для нас повседневностью. Без месяцев не вспоминаешь, а она существует, храни в себе историю появления этого предмета, на этом месте. Не ожидаю (просто так мгновения) увидеть ее глазами той необходимости, которая существовала когда-то... и видишь это (даже если она бездвузвучна) входишь к жизни множество воспоминаний, событий, лиц, вновь заставит радоваться или сопереживать...

Рядом с зажималкой я буду храню и кусочек дерева, протот кусочек дерева — виртуозно выточеным резным декоративным предметом, который бы стал деталью какой-нибудь пышной

РАЗНОСЧИК ВОДЫ.

мебели, созданной искусными руками мастера. В мексиканской Мехике, спасаясь от дождя, я остановился под навесом какой-то мастерской. Нашло деревянной, а воздухе летела оляпка. На полу, у входа, сидел пулоухоль мальчишка и, зажав наизыма ноги кусочек дерева, обтачивал его ловко и быстро как-то остро отточенным круглым дельцем, зажатый между пальцами другой ноги. Это не было мальчишеской шалостью, изобретательным чудачеством ребенка, — это была другая «игра», «игра» по необходимости, «игра» на артиста, единственная возможность поработать, единственный шанс заработать трудный кусок хлеба.

Их было не так много — желающих подзаработать монеткой с маленьким циркачком. Пресыщенные экзотикой многочисленных вождей, лишь на секунду останавливая свой неукротимый бег по торговым рядам группы богатых европейцев. Выражение усталого любопытства лица на них появлялось у них в глазах, чтобы вновь вытесниться привычной grimасой неприродного космомерки.

Общее выражение на таких разных лицах заставило меня неожиданно рассмеяться. Мальчик вдруг судорожно вскинул уставшую шею, оскорбленно выдернул плечами. В его летуче-улыбчатых (а по-лицу!) глазах мелькнула мгновение ярость. Откинув в сторону готовую деталь, он

ЗА ЧЕРТОЙ ГОРОДА.

повалил опомневшей ступней. Мой смех исчез так же неожиданно, как и возник. Этот человек думал, что я смеюсь над ним, над его торчащими ключицами, худыми коленками, взрванными, подпиранными руками. Да мало ли над чем могли смеяться традиционалисты, главоугодные люди, свободные от необходимости дикоратодно искать любые, самые удивительные, самые непостижимые способы что-нибудь заработать, чтобы не умереть.

Я чувствовала себя виноватой за всех, кто когда-либо смел посягнуть на мальчишку, за всех тех, кому еще когда-нибудь его жалкий вид покажется смешным.

А дождь кончился, и нам надо было идти дальше. Переходя поворота у мальчишка на память какую-нибудь выточенную им деревяшку. Тот привычным движением губ судя ошпики с тошью что возникшей узорчатой резьбы, отдал нам кусочек дерева, получал монетку и, поджав голову, улыбаясь.

От кустинных гулек залов велола древностью. Узкие полоски света пробивались сквозь щели, придавая каменным стенам странную, зловещую окраску. Глаза постепенно привыкали к полумраку, отсысывая у темноты очертания огромных глиняных чаш, когда-то заложивших зерном, а теперь пустующих, оставших в своей моговоковой окамененной безжизненности. Средневековое, вероисповедательское одновременно и крепостью, и коюношей, и ме-

стом заточения узников. Гулкость шагов эхом отскакивала и потопала и возвращалась обратно. Эти мрачные залы были сооружены некогда по велению таинственного муллы Измиля.

— Мулла, — произнес переводчик. И я неожиданно вспомнила о первых часах своего пребывания в Рабате.

Мы разместились в гостинице с названием, похожим на магическое заклинание, — «Шедлах». Вдруг я услышала странный, нарастающий звук, не похожий ни на какие звуки, слышанные мной ранее. Это был войло — стужбующий, отчаянный. Пронзительный, как сирена, этот звук бился о стекла гостиничных окон. Он то затухал, то снова нарастал. Он властно перестраивал все кругом на свой странный, дурью срывающий ритм. Было в нем что-то извечное, словно издавна знакомое, но забытое. Знал о том, что в стране неспокойно, я могла предположить разное... Но как внезапно было мое возмущение, когда я услышала в ответ: «Мулла с бани Тур-Хасан кричит славу аллаху».

И вот теперь в каменном средневековом обиталище, вмещавшем в себя столько разных предназначений, мне вновь послышался голос муллы. Посетившее меня воспоминание было не совсем ясным: какое-то неприятное чувство агрессивности от кирра, где все дышит, светит, слышит глаза, насчиталось с углублением в бесконечную анфиладу темных залов. Хотелось броситься назад со всех ног и поскорей вдохнуть теплый и привычный воздух.

На плечо внезапно уткнулся с потопала просочившаяся откуда-то капля воды. Я тиконико вскрикнула, и звук моего голоса утонул в липкой,

КРАСАВИЦА.

обозначающей темноту. Только теперь я заметила, что отстала от группы. Все уже вперед, и слышу, сначала слабо отчетливо, а затем разгоревшись в полумре следующего зала. Руки внезапно сделалось холодными, не моими. Старая привычка, по привычке ускользнувшие куда-то чудом юмора, я медленно двинулась вдоль стены, ощущая на расстоянии ее неприступность и холод.

Сейчас послышался шорох. Я повернулась — и увидела в противоположной стороне зала двигающихся ко мне ти. Я застыла на месте, прислушалась — и увидела еще различные образы вроде бы знакомых, но по совсем незнакомым мне слов. Люди перерывались молчаливо, стараясь не будить чуждого, притянувшегося человека — оно, людей было грое. И, глядя на их первичное первичное по залу, молвила было понять, что им, как и мне, не очень-то по себе в темном каменном мешке.

По мере их приближения я все отчетливее видела живые слова. И когда собралась, что люди говорят по-болгарски, конулась к ним, мои первые пришедшие на ум фразы, услышанные во время недавнего путешествия по Болгарии.

Через секунду мы уже пытались высказать, кто как попал сюда, кого как зовут, кто из какого города...

Никогда не забуду удивленное лицо нашего гда-маршала, когда он увидел меня, выслушавшись от улыбки к обаянию с названием, мне, неизвестно откуда выжившим людьми. Он никак не мог взять в толк, этот приветливый темноволосый человек; почему столько восторга радости могут испытывать люди, которых раньше не видели друг друга, от неожиданной встречи? Но терпелово ждал, пока всеобщий вопрос, ответы, немолчаливо высклился смеха. И в это время вышло его слова, итаким образом рывающийся в наши лица, стремящиеся разобрать, понять...

* * *

«Заклинатель змей» — услышала я. И то плу дру пробрел холодох. Чешуйчатые летителями извлеклись, тянули вверх сильнейшие головки тараканов. Они образовывали собой сущую какв кака я него своего выслезания и повеления — быстролоухо, сухонкого человечика. Его одежда сразу приковывала к себе внимание: многоцветные тланы извивались, залезали по глонту национального покроа рубашка болталась, чуть прикрывая другое необычное одеяние, очевидно, искусное гшатами. Штаны пачались гдот от колен, а шерстяные штатки представляли собой шарообразную складчатую юбку. Большими пальцами но заклинатель удерживал ярко-зеленые шляпки с длинными готеческими носами.

Человек беззвучно шелелка губами, изредка переходя на однотоное, негромкое бормотание. При этом его тонкая, желатистая рука плавающим движением как бы чертила в воздухе приходящие узоры, а маленькие, узкие глазки цепко хватывались на вереницы двигающихся мимо людей каждого, чью провинность к нему интерес.

Встретившись с нами взглядом, человек усиленно зашевелил губами, схватился с земли бубен, и от его морных ударов змей вынырнули в стружку, замерли, чуть подпрыгнув шилоуными головами. Мы подошли поближе. И, возмущенный предостережением заработной платы, стал демонстрировать свою неготовность вальст.

Под заунывный аккомпанемент его горнитоно готоческой и завояния, рассыпаясь вестлесе бубны на тонкие стремительно выгибались в абсолютно прямую линию, то упруго сгибались в спираль, то резким, гибким движением сооружали вертикальный знак, точкой для которого словно темное пятно подвешенного мшпа. Зрелище завораживало. И человек с бубном, помня это, то и делал снова на нас всей гипнотизирующей взгляд.

В одну минуту его переметнулось от нас в сторону — приближалась небольшая группа вооруженных до зубов фото и киноаппаратами европейцев. Появилась леди, тонкая, длинная, с аскетическим лицом и голубыми волосами. Зрелище завораживало. И человек с бубном, помня это, то и делал снова на нас всей гипнотизирующей взгляд.

вилкой. Мне стало на мгновение жаль змея животное, столь кроко позволявшие производить над собой любые эксперименты.

Голубая дама в ирешестельности застыла рядом со мной, а заклинатель, освободив свое шее от чешуйчатого окрещелья, услужливо предложил его даме.

Мени отялек чей-то смех... Я обернулась. Беззубый, седой старик, чрезвычайно подвижный, с богатейшей мимикой и выразительными, по-молодому энергичными жестами, обаял вокруг себя толпу желющих пообщаться. Он вертелся вольком, вызывая взрывы хохота у слушателей. Рассказчик смешных историй — так называлась профессия старика. Он выделывал дядей, а глаза его оставались напряженными, настойчиво выискивая среди слушателей тех, кто был в состоянии бросить крупную, зловещую награду за полнейшую услужливость.

Я подумала, что, наверно, по отень-то все село, этому обравному, старому человеку, но очень-то хочется ему насчетивать... Но он был артист! И это смягчало острое ощущение жадности. Это заставляло не отводить взгляд от его смеющегося лица, худой и желтой кожи. Он был разительно талантлив и находчив в своем непростом умении потешать людей...

Повернувшись вновь к заклинателю змей, я замерла... Шед близкой от удара молотком дамы была обмотана эластичным эменным телом. Зловещий шепот заклинателя терзая в бесперебойном челкавы фотонауриках. Вслышь матина увеличилось для потешивающего дражднейшей туркисти. Она застыла, как изваяние, не то от безгласности и отравления, не то от безмерного восхищения собой. Ше элегантно спускались молот от восторга. А дама, освободившись от страшного упрощения, с полочернутой скромностью покинула дамы. Она выслушивала слова восхищения. И лишь быгровые лгты, сменившие бледность на ше лице, выдавали внутренне восхищение. Несомненно, была денежная бумажка пропущенная к ногам заклинателя, — и кобры по его неведомому знаку почтительно склонили головы.

* * *

Пальмы слегка пошевеливали разлетистыми чертами. Их было много — целая роща! И каждая была одиноким, плохо одержавшим свое молчаливую неприступность к окружающему миру. Я испытывала чувство робости при виде этих странных, испуганных созданий. А воздух был густой, почти осязаемым.

На этот раз казалось вполне реальными, органично вписывались в фантастические пейзажи остатки римских колонн, триумфальных арок, древних баш, драгили воображение южные пейзажи, не повторявшие с веками своей первоначальной яркости. Подгнившие, разваливающиеся древними мастерами, казались кощунственно доступными — так затресо распадались они у ног позитивной римских развалин. Эти изображения можно было трогать, гладить, даже лизнуть...

К морю тянулись немолкые столбик обвалившихся колонн. Они были теплые, нагретые солнцем... Я всасывал их, и мне казалось, что это она сама, или еще еще сонно осыпавшее древнее тело, тайном о собитных извращениях, необчилованных. Я шла между колонн, мне навстречу выдвигал море, в утлах элота грохот римских колонн и шивокольные кололесами камни мостовой — следы минувшей цивилизации. То была эпоха блестящих людей, созданных столь высоко по духовности своей культуры. И вот все, что осталось... — чередо мной...

Чью славу венчает эта гигантская пирамида? В честь кого кропотливо складывались, громоидались, вырвались вверх неуловимо булжались? Чью бесконечность, чью неограниченность руковоидия созданием этого? «Могла Христиана» — так зовут пирамиду. Кто она — таинственная Христиана? Потребона ли действительно на вершине горы, выходящей над морем? Или поднята туда только легендой?

* * *

А потом я прощлась с Африкой. Стояла на берегу океана и говорила неожиданное для себя слова. Слова благодарности этой ласковой, недрожь земле, этим самобытным и талантливым людям, этому уюту и солнцу, всему этому приятному и многоцветному дарству.

Когда я в последний раз глянула струю упрямого воздуха, он был влажный и горький...

Борис СЛУЦКИЙ

Три столбца

ХАРЬКОВ — ПАРИЖ — РИМ

Совершенно изолировано от двора, от семьи

и от школы
у меня был позиция слов
о французской Революции.
Я в Конвенте заседал. Я речн
бесподобные проноисии.

Я голосовал за назнэ Людовика
и за назначе его казни.
был убит Шарлотте Корде
я никогда не виденной мною женщине
[в Харькове мы мылись только

в бане].
В 1929-м в Харькове, на Конной
площади,

Франциски —
в 1789-м
на окраине Парижа.
Улицы сейчас, пожалуй,

не припомню.
Разница в сто сорок лет,
и в две тысячи
километров — не была заметна.
Я ведь не смотрел, что ел, что пил,
что недоделал, недопоявал.
Отбывая срок в реальности,
каждый вечер совершая побег,
каждый вечер засыпая в Париже.

В те времена случалось, когда
заглядывая в газету,
Харьков мне казался удрученно
параллельным миному Парижу:
город — городу,
голод — голоду,
нафос — нафосу,
а третий третий год
моего давнишнего столетия —
давнего третьему
моего столетия восемнадцатого.
Сверия призрачность реальности
с реализмом признаков истории,
торопливо выхлебывая слезы,
содержащее: что там с Робеспьером —
я хватал ролфимый том. Стремился
падать на ризны и окуная
в Пену.

И снова волны
виден пари,
эрозия лиственного Плутарха,
чтоб найти у римляни ту Республику,
як слышу Республику
в томности такую не Республику,
как в неведомом,
невиданном, неслыханном,
как в неозоборжанном Харькове.

Расхожая эрудиция

Никогда не учился в школах, только множество курсов прошел, очень быстрых, поспешных, спорных, все с оценкою «хорошо».

Очень трудно учиться отвлеченно, а четверки нече дают, а с четверкой уже примично и стипендию выдают.

С этими странным мерным гулом в голове

его всех наук стал старшим, железным, чугунным, но ученим не стал мой друг.

Стал он опытным, стал он дошлым, стал привычным и даже точным. Ото всех передготовок стал он гнуч, и тугуч, и ковок. И не зная,

только сведения застревали в его мозгу. Вот и все, что до общего сведения довести о нем я могу.

Слишком долго здесь держится холода.

Слишком грозно бунтует выгода. И потому трудно попасть в поезд, что идут в направлении юга.

Но когда, пройдя весь год по тропе, замешанной мятелью с разгона, ты очажешься наконец в купе мчащегося к югу вагона,

но когда каждый час и каждый стук движут в сторону теплого моря, и сумам радостей приближая, удаляя от сумам горя —

рассовав чемоданы свои и узлы, рассмотрев заоконные дали, понимаешь, что люди отнюдь не злы. Просто долго отпуска ждали.

Понимаешь, люди к слабым добры и готовы помочь недужным, и включаешься в правило славы, именуемой берегом южным.

Заклинание

Вдохновенье! Среди бола дня найди меня, найди меня, найди меня! Обойди меня, не обойди меня! Вот я выступись, показался, на пути твоих оказался. Не пройди же мимо меня!

Я зарядку сделал. Водой ледяной окатился. Непотвальный, нерванный, худой, точно мявкий, подкатился, точно на тележке к нему: ай, браток, не обойди меня! Все отдал! Все с себя смыл! Не пройди, не пройди, не пройди мимо меня!

А браток бросает пятак, небольшую монету, а потом говорит: «Вот так. Для тебя больше нету».

Старое синее

Громыхая костями, по спине почти не горбате, в старом лыжном костюме на старом и пыльном Арбате, в середине московского лета — Фальк! Мы топчась свернули. Мне точно запомнится это.

У величья бывают океиды любого пошва, и оно надевает костюмы любого пошва. Старый пыльный костюм он таскал фатовато и свойски, словно старый мундир небывалого старого войска.

Я же рядом шагал, молчаливо любознь мундиром тех полков, где Шагал — рядом, а Рембрандт —

и где красиво борут прямо с неба — с себей отдирают, где нетягостен труд и где мертвые не умирают

Тай под небом Москвы, синими небом, застиранным, старым, не склонив головы, твердым шагом, ничуть не усталым шев худокими, влачили свои старые смяте крылья, и неважно, о чем мы тогда говорили.

Старый скульптор

На мужика похожий и на бога,

но больше все-таки на мужика, с утра работал, приустал немного: его работа, ох, как нелегка.

Она и сотворение миром и вазуotto еше напоминает. А он уже немолод, нездоров, предел свой знает,

срок свой тоже знает.

Заканчивается длинная дорога, и выходящую открывают дверь. На пушкинского

был похож пророка.

На лермонтовского стал похож теперь.

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

Отцы еще молодые и матери молодые, а вы вернулись мертвым из бесконечной ледяни

и вековой зимою вас водомет заново: слова требуют мертвые небо у рода людского.

Мало вышло вам времени. Много вышло пространства. Стала для вас последней первая ваша трасса.

Лучше звезды спорят, вашими именами, чтобы именоваться и красоваться пред нами.

И молодые матери плчут о вашем плете, и отцы молодые поддеривают их под востки.

И все мальчишки Союза кулаки сжимают и вашего долга узы на себя принимают.

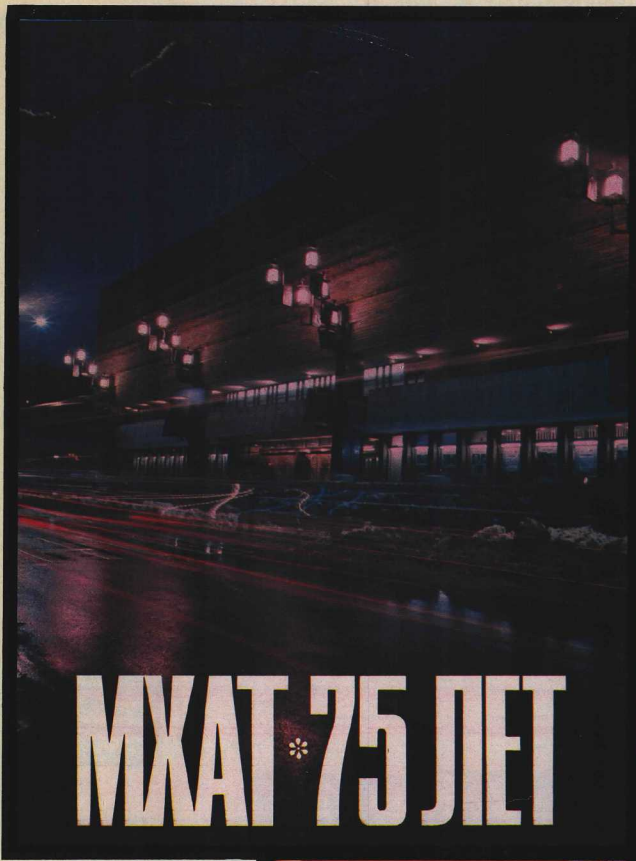

Свобода

Вот он, полный образ свободы. Это если справа по борту веселятся дельфины в воде, а по борту, но только слева, солнце только что в море село, максимально приблизясь ко мне.

Да, свобода — это прохлада и когда ничего не надо, и когда ты всего достиг, и валов содроганье

мощный, и когда тебе старший помощник шепчет здесь же на палубе стки.

МХАТ 75 ЛЕТ

«партер», «бельэтаж», «1-й ярус», что и в новом театре прежде всего стараемся найти детали старого МХАТа, который помнит Станиславского и Леонидова, Доброврова и Тарасову..»

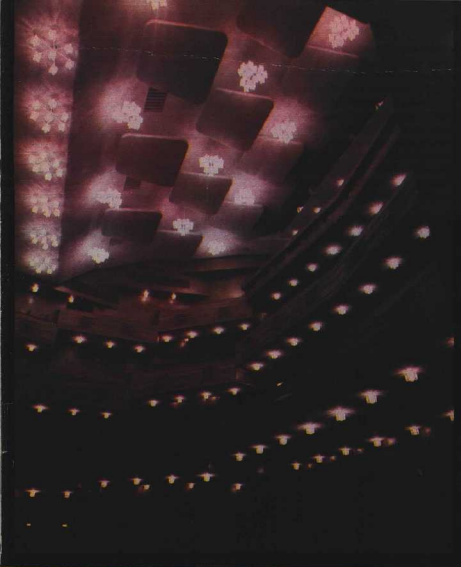
В искусстве МХАТа не может быть разрыва между «старым» и «новым», потому что театр этот — живой и постоянно изменяющийся

Фото Василия МИШИНА

В канун своего семидесятилетия Московский художественный академический театр имени Горького получил на Тверском бульваре новый дом.

Все мы настолько привыкли к старому мхатовскому зданию, к его скромному облику, серо-зеленому цвету, даже к особому «мхатовскому» шрифту надписей:

организм, многоцветный и многозначный...

И вот уже горят вечерами мхатовские фонари на Тверском бульваре, а зрители заполняют традиционный «ярусный зал», с напряженным вниманием вглядываясь в глаза артистов — ветеранов и молодых мхатовцев, которые с особой бережностью и душевным настро-

ем играют на новой сцене.

У МХАТа новый дом, и теперь с каждым днем, с каждым годом он будет все больше срастаться с понятием «МХАТ», и этот процесс, в котором вместе участвуют и сами мхатовцы и все их многочисленные почитатели, все зрители, начался с самого первого спектакля, показанного здесь.

НА ЧА ЛО

О том, как начинался путь актрисы Евгении Николаевны МОРЕС, и о ее сегодняшней педагогической деятельности в школе-студии МХАТ рассказывают нашему корреспонденту Андрею БАТАШЕВУ Е. Н. Морес и ее ученики — известные артисты театра и кино.

СИНЯЯ ПТИЦА ЕВГЕНИИ МОРЕС

3 аслуженная артистка РСФСР Евгения Николаевна Морес преподает в студии актерское мастерство. Популярность ее учеников, таких, скажем, как Ирина Мирошниченко, Александр Азаров, Вячеслав Невинный, Татьяна Лаврова, Галина Волчек, неизмеримо больше, чем ее собственная. Что же, видимо, чем талантливее педагог, тем больших успехов добиваются его ученики. Актрису Е. Н. Морес знают в основном зрители старшего поколения. Ведь сцену она оставила более двадцати лет назад, а в кино никогда не снималась, несмотря на самые заманчивые предложе-

ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВНА МОРЕС И ЕЕ УЧЕНИЦЫ — ИРИНА МИРОШНИЧЕНКО И ТАТЬЯНА ЛАВРОВА.

нии: «Константин Сергеевич Станиславский был против этого, так как считал, что кино отменяет живую актера от театра».

— Педагогическая практика Морес основывается на ее артистической сути, — говорит Александр Лазарев. — Мне посчастливилось выходить на сцену вместе с ней. В спектакле «Страницы жизни» я играю архитектора, а она моя мать. И она поистине творила на сцене. Мы заглядывались на нее...

— В первом спектакле нашего театра «Вечно живые», — говорит главный режиссер «Современника» Галина Волчек, — Евгения Николаевна играла бабушку. И всегда смотрела на нее из-за кулис. Это актриса необыкновенной эмоциональной отдачи, очень честная и точная. Недаром в свое время в Художественном театре она была одной из самых известных испанотельниц детских ролей.

Какой она была актрисой, я немного знаю. Потому что мальчишкой не раз видел ее на сцене МХАТ, «Синяя птица»... Поднял завесы, и внезапно оказалось, что мир ярко-цветной: огненный, ослепительно-синий, оранжевый... И я очень хотел, чтобы именно Митяля, удивительно нежная и доверчивая девочка, поймала Синюю птицу — не только счастье в некоем высшем смысле, но и просто птичку небольшой расцветки...

Митяля играла Евгения Николаевна Морес.

— Мне нравилась эта роль. Но она не была моей самой любимой. Может быть, потому, что не все здесь шло от меня. Я была введена в готовый спектакль, и Станиславский требовал, чтобы я вписалась в уже созданный им рисунок. А вот Сук в «Трех толстяках» мне была ближе.

Это более реальный образ, более современный. Царь. Это мне всегда очень нравилось... А какой в этой пьесе текст! «Розы плавали, как лебеди... Этот зонтик, он шестистый, он зевает!» Очень ярко, декоративно, театрально.

Я с детства люблю Большой театр, 특히 балерина, трико, пуанты... У меня в «Трех толстяках» тоже была такой костюм — дирижёр балерина. И мне было очень легко фантазировать.

Фантазия. Где же ее истоки? Да Е. Н. Морес была актером-любителем, он жил в мире Сивастопольца и Несчастливцева. Его принцип — актером за деньги быть нельзя, ибо искусство творится для души», — требовали и особой организации быта.

— Если ребенку нужно было выступать в спектакле, он к этому готовился заранее. Даже еда ему подавалась особая. Бульон, например, не горячий. У него было много птиц, Капарес. Так за несколько дней до спектакля все птицы заворачивались в холодец, чтобы птицы не мешали!

Я помню, как он сидит перед теткой и ворочит утлю. Тонка всегда сам. И монологи читает: «Брат! Отдай Любушу за Митю». А я сижу в полутьме на корточках, в которой у нас чай да сахар хранится, а он все роли свои прорепитывает...

Мама моя была солисткой балета Большого театра. Как она танцевала, не помню. Вскоре после моего рождения она оставила сцену.

Еще в школе Е. Н. Морес начала заниматься в «Студии старинного водевйля» у Вахтанга Мчедлоба — режиссера Художественного театра. Ожидая один из недобрых сказов ей:

— Вы способный человек, но в театр я вам идти не советую. Вы очень маленького роста, толстая, и у вас тихий голос. Что вы будете играть? Вам разве только с подносими выходить?

— С подносими — так с подносими. Все равно буду в театре!

С тех пор она ежедневно делает очень тяжелую гимнастику. Тогда же она избрала и свой способ тренировки голоса.

— Квартира у нас была холодная. Кухня не отапливалась. Утром входить — нога водородными крапом сосульки. Я приходила туда утром и занималась. Мне очень нравилось, как разносчики кричали: «Яблоки, яблоки... Уголья, уголья... Вот я и ватамаса раскваша, как они. Синими стали как каматы. И сейчас в школе-студии я своим студентам также упражнения рекомендую.

Станиславского она впервые увидела в 1922 году, когда держала экзамен во МХАТ.

— У него были очки, но когда он слушая меня, то взял очки и бинювал. Меня это страшно рассердило: нить, лочку мне показать, клякса и мамочки. А он смотрит на меня и хохочет. И чего хохочет — не знаю... Скажите вам лет? — спрашивает. «Восемнадцать», — ответила я и в честь на него обиделась. Нет, думаю, я здесь не остаюсь...

Ее приняли, и она осталась. Но посещать занятия не смогла. Нужно ведь было еще жить на что-то. И она работала делопроводителем и еще стояла в Консерватории на контроле. Там не только день-

ЗЕМЛЯ СПОКОЙНЫХ

Юлия ИВАНОВА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Я вдруг впервые по-настоящему осознала разделяющую нас и их провасть. Это была провасть между прежней и нынешней Ингрид Кейн.

Планета неспокойных и спокойных. И мы, навсегда обреченные среди них на одиночество.

Их преимущество перед нами — преимущество роботов перед живыми. Роботам не бывает больно: они в броне своей неуязвимости.

Мы можем говорить им какие угодно слова, хрипеть, плакать, биться головой о стену.

В лучшем случае они галгнут на нас с любезным снисхождением. И пройдут мимо.

Но мы никогда не перестанем страдать от их равнодушия и непонимания. Потому что мы — другие.

Мне стало страшно. И Эра, будто почувствовав это, стиснула мою руку. Мы по-прежнему зячим внешне не отдалчались от спящих вокруг парочек, но теперь мой взгляд с болезненной остротой выискивал все новые доказательства нашей особенной, нашего несохдаства с ними.

Сидящие в одиночку на скамейках, прямо на земле. Иногда группами, но все равно в одиночку. Глаза, обращенные внутрь себя. О чем они думают? Этого никто не знает, и это никому не интересно, кроме них самих!

На дороге сидит девушка, видимо, ушибла или вывихнула ногу. Тоша обтекает ее, как река подводную корягу, спутник ее, видимо, ушел с другой, а она сама терпеливо ждет, когда ее подберет дежурный медицинский аэромобиль. Когда-то это тоже показалось бы мне вполне естественным. А теперь я сразу же представляла себя на ее месте.

Очень болит нога. Эра ушла, безучастная тоша обтекает меня, как корягу...

Я невольно замедлила шаг. Эра позная, почему, поморщилась, но все же попытался перенести ее на траву, в сторону от тошачи.

Девушка отталкивала его, скулила, он поставил ей что-то иглоуколоть, а я ждала, и тоша обтекала меня — одышающие мужские взгляды прикосновения чьих-то горячих ладоней рук, все эти слюны, бегемоты, медведи, волки. Здоровые, сильные, мускулистые и... мертвые.

Синие море.

Розовый закат.

Я вспоминала, как Эра однажды резал в лесу костер, как мы смотрели на изжаренное третьющее пламя, которое казалось живым именно из-за своей неопределенности, полутонов, многокостности, третности.

Костер глущаца тепло.

После этого свет искусственных ламп показався мне удручающе безжизненным и холодным. Они и мы...

Наконец Эра вернулась.

— Пустая затыка. Она даже не понимает, чего я от нее хочу. Пусть вальяется. Они не люди.

— Вспомни, мы были такими же.

— Ничего не хочу вспоминать... Он подвизал меня и повнес куда-то прочь от дороги. Эра хотела, чтобы я тоже забыла, прижимая меня к себе ис-

спуливаю и ревниво. Трава становилась все выше, распухшая с метам дурманящим, тогот и крики постепенно стихали, потерявшись в сонном стрекоте кузнечиков.

Он обложился опушка медузы. На штыку с надписью «Облегченный скарпа макусы. Трава посылка»:

— Хопу тебе видеть.

И хотя это было неосторожно, я тоже сняла медузу, распухшую с метам дурманящим, тогот и крики постепенно стихали, потерявшись в сонном стрекоте кузнечиков.

Глаза в глаза. Эра! Вдруг вместе. Не может быть. Потом я падает. Эра!

Мы стоктопаем по лицу. Друг друга. Эра вытянулся на спине, разбросав руки, особенно худой и неслыханный в своем марскадском трико. Его голова у меня на коленях, глаза закрыты, он все еще молчит, со мной своей вальс из него весь мир — в прискоинении моего пальца.

Как всегда, удаляюсь и завидаю его деятельности. Я думаю о нем и не о нем. О познании в котировке, о душевне с выхвоткой истоб, об одинаков на обочине дороги — слещадх с обращенными внутрь глазами.

Эра полна одиночество. Это нежность среди него честираждания ит и все это тогда, видимо, платалсь с ними облизывать. Потому что, став Чекомов, уже не мог иначе.

Постойте. Взагляните. Помните. Выслушайте. Вспомните хотя бы одну из наших встреч.

Они не умели и не хотели ничего видеть, кроме себя.

Живой след мертвых, один.

И в Земе-альфа это название НЕНАВИСТИЮ. Они должны испытывать к бетнам такое чувство.

— Они не люди. Николай...

Но я всего года назад была одной из них. Я прожия жесав одной из них.

И, изменившись, никогда не страдала от одиночества, потому что рядом был Эра.

Ты ненавидишь их?

Самое зное в жизни — это не утверждать. Он глумлю на меня будто откудато издалека, не понимая, потому покачала головой.

— Теперь нет. Теперь все равно...

— Тогда ты, Эра, не сможешь сказать, но не скрала, потому что и я так знала.

Я держу твои лицо в ладожках. И это они тоже называл счастьем. В трудя что-то наперевает, и я и забываю в этом тогда. С тобой, Эра, я мягкая и слабая, но одновременно твердая и сильная. И ты и другое — я.

— Ты должна знать... вдруг тихо сказала Эра, прикутывая травишку. — Альфаизм не кончается.

— Я сразу даже не сообразила, о чем речь.

— Альфаизм?

— Я его сам создала.

— Ты?

Мои пальцы замерли на его лице. Он вздохнул и сел.

— Ты должна знать. Все дело в труде. Видишь ли, я в их атмосфере нет труда.

Он говорил быстро, глатая слова, будто опасаясь, чтобы я ему помешало внезапно высказаться.

— Я все время искал причину. Почему они не похожи на нас? Почему я не могу понять их, как бы ни старался? Судя по всему, ключ к разгадке заперт в различии между лапчак планетария, которые я домыслил бы раскопал. Принадлежит за географию, геологию, изучая почву Земе-альфа, растительность, климат — все, как у нас. Кроме одного: в ее атмосфере не образовалось труд.

— Но это еще ничего не доказывает.

— Я тоже так считал, но все же попытался получить в лабораторных условиях воздух Земе-альфа. Это было неверно: чтобы искусственным путем вызвать труд, получить для него реакцию, пришлось потратить два года. И вот... альфаизм.

Однако его было слишком мало, и производство оказалось все самым дорогом, чтобы в ближайшем будущем...

— И ты, Эра, выбрала другой путь. Предлагаю, что причина в труде. Предлагаю также, что в соединении с альфаизмом труд теряет свои свойства. Тогда стоит сделать себе искусственный альфаизм.

Абсолютно. Опыт на животных разочаровал — никаких изменений в поведении. Я все еще долго, достаточно, чтобы выработать в организме полую иммунитет к труду и его влиянию на психику, если он таковым обладает. Мне так не терпелось жить на мгновение спущать себя ТЕМ человеком, что я совсем не понимаю о перспективе остаться им навсегда.

Нет, не думаю, я никогда не жалею. Даже когда тогда был к самобытности. Опыт стал одним из тех, на что ты Эра, как и их нововлады! Их непробивомую сложность. Хорошо написан

ыми механизмам с двойной... злоданием. И если бы кто-то повздорил... Их много подлинное уничтожить, превратить в рабов, заставить убивать друг друга. Я мог бы стать их господином, диктатором. Но я ментал о другом. Заставить их сделать так же, как и. Как зарать было хоть ненадолго распылять их альфаизмом!

— Почему труд?

— Отчасти. «Севастис гипнозом приносима к тобу медузы элода, а мне нужны были средства, чтобы осуществить задуманное.

Труд всегда соединяется с альфаизмом, время при этом свойство. Я бы назвал труд, великим природным наркотиком, параллелизмом в чуждое состояние. Труд и альфаизм, парализуя, парализуют, а параллелизм. Помини, на Земе-альфа тогда тоже искали забегания в наркотиках...

Отбрось у себя труд, взорвать их рай — вот о чем я мечтаю. Как вызвать атмосферу ценную реакцию, ноуду всего али 12 тонн альфаизма. В сути мне удавалось получить максимум три килограмма. Одинадцать лет непрерывной работы. Когда осознать задачу, не хватало опыта с плазмой. Изи. Из цирка пришлось уйти — инализировать я весьма пространный, программа держалась только на поморек с альфаизмом. Давать резко сокращать, последствие резко удавалось получить не более килограмма.

И я решил уничтожить лабораторию. У меня есть ты и плавать на них. Ненависть! Сменило. Зачем ты их страдаешь теперь, когда я съестим!

— А их съестим?

— Увидимся в взгляде. Видимо, ему это в голову не приходило.

Их съестим? Эра. Так же, как у нас... Как было в А-1 съестим?

— Зачем? — Эра обнял меня. — Столько времени, усиди. Наши счастья, наша жизнь. И потом риск. Зачем?

— Кажется мне. Конечно, он прав.

— Как ты собираешься уничтожить лабораторию Эра в подземном коридоре?

Эра подмигнула, как выходящим мальчишка.

— Ты не так. Коридор вылетел в старую шахту, там спрятан ночтовый аэропорт. Это в горах, сорок минут полета. Я сам нахожу ее только по автопилоту, кругом скалы — ни кустов, ни травинки. Поебать мраморный, залю подокон. Сколько рая и мысленно рисовал себе... Философское облако, которое и выпускаю на волю, оно понимаетсь, так же дал скалами. Небо становится черным, над Земе-альфа появляется ягдль. Всего несколько минут, но тогда бы они... А плавать на них!

— Почему ты...

— Зачем?

Его взгляд тревожно метнулся по моему лицу. Остаток? Эра я поспешная. Встаю, протяну руку.

— Пошли.

Я удерживаю его, заставляю сказать слова. Я чувствую себя виноватой перед ним. Он величудно терпел мое нежности ровно столько, сколько было нужно для успокоения моего совести. Потом мягко, но настойчиво высосободился.

И снова нас уменькает горнаянь, выселяющаяся тогда рижных, снова вокруг что-то свистит, трещит, хлопает, проносится над голыми размазавыми яркими светящимися скалами аэропорта.

— Свисте море, «Фрозый закат», «Зеленый лес». Для пожилых и некрасивых — клубы, зрадливые бафалыни. Или профессиональные ласки за удорожанием.

И одиноко. На авточках, прямо на траве. Глаза, обращенные внутрь себя. О чем они думаю? С чем думала я, когда была бетникой, вобща в себя? О мотом. 127 лет!

Несостоявшиеся мыслиемта, художнички, музыкальные. Только для себя. Их миссал, их души умрут с их смертью. И я не в силах заставить их заговорить.

Эра мог бы...

Я подумала, что история повторяется. Слова Ева только та Ева была юной. И не самозавода. А Адам...

— Пожалуй, сегодня и покочуй, вернот Удобный мотом — все на карнавале. Мы успеем.

Да, Эра...

Я еще продолжала по внерии нати, еще где-то в подсознании предстал путь через кабинет вниз, по коридору к старому шахте, на аэропарк с серым скалам, где Эра. Ступня претил свою лабораторию.

Ничего. Ты оставила. Ты оставила, ступня еще какое-то мгновение сохранит видимость формо-

мы, но он уже перестал быть ставаном — это груда осколков, цепляющихся друг за друга.

В кресле у двери кабинета сидел человек. Заходящее солнце золотило его голову, тепло попариванное, тени.

Полон Шэф ВП не носил парика.

Он обернулся и встал на наветру.

Не может быть. Та же мысль, что в лучшие минуты с Эраом. Вернее, апиталит тот. Силком голою, обидно, как в детстве. Я не знаю, как там.

Увидел повисший за окном подлинный аэропарк. Неужели копец? Я все еще чувствовала на плече руку Эра, но уже летела куда-то вниз, в безду, вместе с кувыркающимся серидам. Только, только, шум и тишина. И буду в тумане приближаться клиц Эра.

— Николай, что с тобой? Никогда!

Но физически я уже в порыве — мне ведь только что...

Удается, наконец, восстановить дыхание, предметы вокруг приобретают нормальные очертания.

С этой минуты я буквально мечтала о физической дуэли, о победити. Но я в порыве. Я даже машинально пожмола протянутую руку отца.

— Вот и я. Рита. Неужели жалея чувствую? Тогда можешь идти. Полон проводит тебе домой. Ты сразу же можешь вернуться.

Эра! Я молчу. Я смотрю на Эра, который отвечает на вопросы.

— Эра Ступня, гражданский номер такой-то, год рождения... злоданием, провозглашаю я. Мне кажется, выслушавшим под псевдонимом Давида Гуря, вы обманываете в величайшем антисоциальном преступлении — сокрытии и хранения предметов, несущих информацию о Земе-альфа.

Мы знаем, что это может котироваться, но тылщи протк подобные мысли, как мысли о смерти. Так же вероятно и так же невероятно, как смерть в любую минуту. И ты был готов к этому, как тогда всегда не готов к смерти.

Эра наввно подмигнула отворачивась:

— Ничего не понимаю, Шэф. Какие у вас основания?

— Давай Оскаривант! — У этого человека была моя улыбка. Я знала, что Эра сейчас подумал об этом.

Отсюда излек из кармана уже знакомое мне лицо, о существовании которого Эра, Рита?

Какая дела, Рита? Как дела, Рита? Как дела, Рита?

Меня не оставило ощущение, что я всего лишь марionетка в жутком хаосе. Яйро открылся. Я ожидала услышать какой-либо из монологов Риты, а вместо этого...

— Еси ты думаешь, что меня, продала БП... Давай рассуждать логически. Я болна и не совсем нормальная, значит, во-первых, не являюсь полноценным агентом... Зачем было мне отправлять меня сюда прямо тебе руги?

— Как мы и полагали, это прозвучало достаточно убедительно... прокомментировал Шэф.

Мой голос? Эра отвечает. Опять я.

Просто я их убожало, что жаровня. Обманула ВП, чтобы встретиться с тобой и высказать...

— Когда я поняла, что к чему, первой мыслью, естественно, было сообщить тебе следуют. Но кочто в этот момент произошло, я не знаю.

Наш тогдашний разговор. Каким образом? Откуда? Что-то должно произошло, сейчас же, немедленно. Со мной, с Эраом, с этой кожанкой, с миром. Ни одна из них не могла повторяться. Нет, не может быть... мы же тогда были совсем одни! И столько человека мог проинкуть... Как им странно, техническая невероятность, несуществование этого спектала помогла мне убедиться, убедить Эра в невероятности происшедшего. Абсурда это не имеет ко мне никакого отношения. Нежелай сон.

— Прекратите!

Кажется, это крикнула Эра, но я не знала его голоса. И мое ощущение, что я напуганное тело, будто спроецирован, скрученное, готовое к прыжку. «Он его убьет» — валя подумала я. Не как участница, а как зрительница.

Шэф отключает магнитофон, «валя» в его руках как бы... в рубке по-прежнему отпознано-валя Ева Риты.

— Я так и полагала, что этого окажется достаточно. Вы арестованы, Эра Ступня. Мы бы хотели обьяскать помешание.

— Тым нуужно тебе разрешиние?

Ирионя? Вряд ли. Просто констатация факта. Эра тоже спокойно, как настоящий бетнин, распахивает дверь кабинета.

Отец прохвд за ним «малышки», неизвестно

откуда возникшие. Эра пропуская их, вкочид сам, не глядя на меня. Дверь захлопывается.

И по-прежнему зрительница. Она сияет выхоленным мехом и мехом. Навдо вернулась индивидуальность. Безвольное, одеревеневшее тело без чувств и без мыслей. Шоки Инстинкт самосохранения.

Я на нем плечем, та же как только что была Рита Эра. Красный блондин с моим лицом. Паль, брат Рита, мой брат. Он что-то спросил, я ответила. Митко смеется аэрокара. Телевизор, футбол, болельщик. Митко оставляет меня в покое. Я зрительница, я смелая футбол.

* * *

Прячусь, бегу от самой себя. Тува утродно — в небитие, в безумие. Я облако, кува на лулу. Чриноидко поэтично. Легко и просто. Имя в Рита. Наощен Рита, бетинги, одо ифера Ири.

Наша жизнь в сновидении, реальность, потому что там Эра. Ты Ингритт Кейн. Все конечно, они ушли Эра. Смышынн ты Ингритт Кейн? Ты в алмин ВП, куда тебя привел Паль. В комнате Рита, на ее текст. Я Ингритт Кейн.

Все во мне сопротивляется, потому что Ингритт Кейн — это боль. Несмысленная, нечеловеческая, гораздо страшнее физической. Эра — אני убывает смеет быть, уже... И никогда его не узнаю. Эра!

Я молча кричу от этой боли. Отчаянно, иступленно.

Я киданос по текст, но... недовольна.

Со стороны похоже, что я спала.

Тысячи галл, тысячи ушей. Возможно, они следят за каждым моим жестом. В спальне темно и тепло, но мне кажется, что это тишина сцены, передача которой зрительской зал. Невозможно наблюдать, от которых невозможно скрыться.

Мне плевать, что делают со мной. Только Эра. Эра, который всталотам от меня.

Он говорит что не признавал Страдания, вот от чего бежали на Земло-бета. Убо, несправедливость, жестокость окружающего мира. И бессиле, что-либо изменить. Не могали? Не умели? Не знали?

Тува, где ты сам со себе и не страдаешь от зла. На планете одноклю и спокойных.

А мне некуда бежать, разве что от себя самой. Почему ты Эра — это я?

Боял. Молча кричу, неоднократно бьюсь на текст, плачу без слез, притворяюсь слепой, притворяюсь ботничкой для тысячи наблюдателей галл.

Эра... шепотом... предательство... Объективно так и есть. Нужды ничего нельзя исправить? Неужели? Я звываю к чуду, к богу. Господи, осли ты есть...!

Всего, заказывая кофе и садиани. Пусть смотрит. Не было, ну было.

Что, собственно, они знают? Эра предьявлено обвинение в сокрытии тайника. Но ни слова об объекте, о лаборатории, о измерениях уничтожить чужой бетинги? Маневр или просто не знавал? Если знавал, то почему не арестовала Эра прежде? О критический массе аэлафина был определен только сам Эра, и тянуть было крайню предосторож. Выходило когда он поместился от Кровь? Это произошло сегодня, но ведь Эра ничего мне толком не сказала, лишь общие слова.

Мы или осматривать его лабораторию — наблюдатель информации. Какое-то время я был прямо в руки. Казало бы, самый подходящий момент, чтобы на месте все выяснить, захватить нас и обезвредить.

Но они неопознанным образом отказываются от доступа стотуров. Ключи отдали в команданте. Семя себе перебегают аэрогу. Зачем? Намело.

Не знавал? Маэлюстрон. Без подслушивания даже в постели.

И что они знают обо мне? Теперь, когда я знаю твою историю, способность мыслить и думать, аслэ, вспомнил смену аэре, мне и в ней отключалась некто странно.

Они как будто опасались чего-то, связанного со мной. Сразу же взяли под крыльцо, заморавали, и я чувствовала, что мне нужна вы. Зачем? Почему отлет являла правела арестованый Эра Стюа — ведь обычно он поручает это кому-либо из помощников? Почему никто из агентов не подошел во время моего присутствия в комнате? Мы могли бы вести себя не совсем тихо. Но ты так, так и было. Я вспоминала, какое было у Эра лицо. Шеф предлачил рискнуть, но не допустил посещения Эра. Ясно боялась. Чего?

Я бессмысла, что-либо предвидел, предпринял, и этого хуже всего. Остается только ждать. И даже не знаю, жив ли Эра. Эра, считающий меня предательницей.

Боял, отчаяние, бессмысленная злоба — всю ночь я к ним вставала. Даже плакать я не везю права

и притворяюсь безвизиткой, которую караудт тысячи галл...

Утром меня вызвали к Шефу. К одиннадцатой. Звонили по телефону. Пригласившись, замечало, что волосы надо алом будо обмыть аэрогу. Я поседела. Что ж, у них тоже так было. Немного косметики, и мне снова двадцать.

Ты Ингритт, и у Риты красивые волосы.

Хорошо, что Ингритт все еще сохраняет чувство юмора.

Но я знаю, что стала другой. Эта ночь изменила Ингритт. Эра едва али не больше, чем смастылся месиди с Эром.

* * *

Я встал по форме. Шеф кивнул и указал на стул. Эра... На секунду перехватило дыхание. Только бы знать, что он жив!

Пауза кажется бесконечной.

Он пошевелил. Если бы он сказал, «что ты Ингритт Кейн», и вряд ли удавалось бы.

— Что твоя фамилия неизменяема. Знал, что отпращивать к Гурзу, как только мы тебя отпустим. Предлагал, что он казнет. Мы опасались, что он сменит мнение, и не хотам раньше времени слугнуть. Правда, штука с зубом тоже была рискованная, но уж меня заманива. Моя идея.

— С зубом? У меня пересекло по рту.

— Как, ты не знавал? — Шеф усмехнулся. А я был уверен, что бы обнаружил. Передачу радиу прекратили, да, собственно гурору, я уже выснала все, что хотел. Поэтому и репла — пора кончать.

Меня даже зумило от отращения к себе: примитивно, как дважды два — обычная пломба в зубе. Разоткровенничалась! Пломба, которая не было у Николая и которая радиу была. Рита. А я, потугившись во всякие мистические измышления, не сумела сообразить... Нарко, когда я спала, крошечный передатчик в просверленном зубе. Я даже не знавала толком эту пломбу — вывала и вывала. Тыфу!

Это я виновата, Эра. Я действительно была шпионкой.

Сейчас послушай нас арестовый! Составлена случайность, или ничего не знают о твоей деятельности. Впрочем, какое это имеет значение, когда за одну только книгу с Земла-аэра Эра грозит смерть?

Он может, они же спрошоравали рассказать о лаборатории? Вряд ли. Шеф бы сейчас не был здесь.

— Что вы с ним сделали? — будто кто-то другой спросил. Или это притворствовалась, что не смогу сказать, потому что от этой боли закричу, упаду на пол, призываю, что и Ингритт Кейн, стану травой на лулу, умру...

— Он здесь, в четвертом блоке. Тебе нездорово?

— Мотаяло голоду. Пара глубоких вздохом, и я в порадке. Я даже могу говорить.

Отец, или же не причитня никакого воеда. Уничтожить тайник. Эра снова задалась химией. Я вымучила ответ. Я вымучила ответ.

Логова себя на том, что пыталось воздействовать на его чувства. Чувства, которых нет. Я разрушила равновесие с бетингами. Шеф слушает меня терпеливо и систематично, как болельщик.

— Дочь бета ВП против отца нарушить закон — алуше замочил, Рита. Ты боьна и не поощряешь, что нещесно. Это будет показательный процесс. В первую очередь мы решим, а чему приводит абсолютство. Кто знает, может быть, подобные тайники... Эра Стюа должен умереть.

— Когда?

— Он здесь, а и хотел с тобой посоветоваться. Как тебе известно, право алинуть преступника жизни принадлежит разоблачившему его агенту.

— Так мы хотите, чтобы я...

— Это уже слишком. Они предоставляют мне право убить Эра. Мне дуаит смех, не могу оставаться. Что-то воед истерика. Пломба, судит нервы.

Шеф терпеливо ждет, когда я успокоюсь.

— Ты должна, девочка. Они думают, что ты злова. Я их убедила. Будто ты действовала по моей инструкции. Если бы они знавал... Тебя бы поставили в преступник на одну секунду.

Забота обо мне? Отповедный инстинкт? Любопытство.

— Я их убедила, но кое-кто сомневался. Ты играла самим правдоподобно. Я опасалась: ты действительно выживешь, когда мы будем брать этого парня, и предатель обобщит. Сейчас смекнется. Но ты держалась молодцом. А теперь... Если ты откажешься, они все поймут. Тебя будут судить. Или отравят в сумасшедший дом.

— Мне все равно.

— Но наша семья будет дискредитирована, мне придется пойти в отставку. Наша динштя...

Так вот откуда этот млякий прощаний твой, вот зачем яму кува, динштя. Смышынн.

— Значит, ты законил только в том, что не казается тебе алушо?

— Гуастины. Разве ты виновна в своей болезни? Это было алушо. Я даже сразу же после смерти Эра Стюа ты полушнич помому злобу. Кобже жешь спуститься вниз, отдыкать, выбрать оболую профессию. Единственное условие — никогда не упоминаешь Земла-аэра. Если же хочешь, то бы сами бетне доносила на тебя. Надеемся, ты достаточно благодаруа. Когда Эра Стюа не станет, твои безумие постепенно пройдет, я уверен. Ты алушо выполняешь свой долг али собственного же блага.

— А если нет?

Тогда... Я убею тебе незаметно — воздушная катастрофа, несчастный случай, моллю уж... У меня нет другого выбора. А Эра Стюа уже не поможет ничем.

Молчу. Все бесполезно: Шеф рассуждает вполне логично. Ничего, кроме логики. Мы говорим на разных языках.

— Когда я должна дать ответ?

— Сейчас. С Эром Стюоум все ясно — любая отсрочка с исполнением приговора покажется подозрительной. Земла-аэра и полдень преступник должен быть мерта.

— Можно мне с ним увидеться?

— Нет.

Даже алушо уже нет сил, столько мост, отказываясь сдаваться, ахоронично инт выхода. Будто бесполезные алуры в глухую, непробиваемую стену.

Эра, Эра, Эра...

И вдруг свет. Не было и мыслал, а внешнею средине, еще не успевшее сформироваться в слова.

Спокойнее. Ингритт, Шеф ничего не должен заметить.

— Я согласна.

Двухминутный эрорак черт меня в историю. Как за мной нет слежки, — Шеф ариндуит ко мне полное доверие. Благое, а, вышлополагад Эра прав последнего желания, право увидеться с родственной камере ало блока, а на мягкой кушетке одного из придуманных мной звездений. Среди палат, шпатов, паванов и сладкой, дурманящей музыки.

Осмотрев ради виду пару домы, я повернула эрорак на восток, в 385-й аэново, тува, где жила когда-то Ингритт Кейн.

Я рада, что пережила это ночь, рада, что изменилась. Я теперь знаю, что это за перемена.

Я вымучила ответ, но не могла, алуше стонуть битни — мертво, выдохшее русло, мое русло, впаути которого бурлят реки. Витавте, но точно.

Новая владелица, почтенная пожилая дама в синевом парадке, не зная, к счастью, что у меня внутри. Она вынул перед собой алуше, коротенькую бетинку из ВП, вымариющую сполное заведение али казни несчастье алмифиста. Верит документ в руках, а сама не сводит с меня галл, завалу, вероятно, мое состояние, дымным стройным ногам и мезаневопальным волосам, перехваченным золотой эмзейкой.

Когда-то я так смотрела на Николая. Только волею теперь крапивоше.

Коварство, она отсюда покажет мне дом — алмифисты на дороге не являются, такая реклама заведением! Иду за ней — почти никто не изменился. Все же аккрутно постиженные газоны, цветы, которые я поседлала прошлой весной, а вот аламет — жеск умер Бернанди, Ингритт, Кейн.

Иногда это когда-то было? Мои живить, мой экспрессив. Месиди, дуга.

Даже ржавый прут, о который Николая поранила, ну, по-прежнему торчит из земли.

Но мое дело не закончилось. Угаркой выдеривать прут — он мне повадился.

Седлако колаются гуло и равномерно, будто шпиг-пюга о сталь. Спокойнее, Ингритт. В услаивающемся кресле.

Спокойнее. Пальмы нет. Вот и все. Ничего не вышло, Эра.

— Что-либо не так?

— Мало эвален. Вот на 146-й аэново в успалам, инце ты была.

— Пальмы? Ради бога, у меня их полно. Я думала, жеск самим тобою, и вынесла их в холл. Сколько уютливо. Минуточку.

Робот таксист укусил меня каади с пальмами. Вскоре помешанье начинает напоминать тропический асл. Хозяйка говорит на меня уже без презренного благоволения.

Она! Наконец-то она. Но я требую, чтобы при-
ятели ее же одну назвали. И документы на право
владения. Хозяйка ищет. Пользуясь ее отсут-
ствием, быстро скупит в землю. Уперся во что-
то. Не надо. Кажется, ДНК на месте.

Ты же всегда велел, Ингрид Кейн.

Если что-то делало, что-то подписывало, отаило
последние расписания на завтра, но я уже не
хочу. Мнего влад. Уведь. Ведь сегодня мой по-
следний день на Земле.

Простится с тем, что жалко оставался. Я вспо-
минаю Риту, она тоже прощалась. Тогда это меня
уважали.

Пустыни в этот будний день берег реки, во-
да холодная, чистая. Прозрачные юркие мальки
вспархивают из-под ног. Какой запах у реки —
в нем смель и дождь. Земля и солнце, день и ночь
и восторг аромата.

Плыну на другой берег, с наслаждением ощущая
урную журчащую вадю тле воду. У меня даже
нет времени спавать на остров, где водятся раки.

И в निकоду ты не спавало. Никоду.

Тосканный хомодок где-то внизу жытка. Нет,
так неалды. Это твой перебралась на Земле, Ин-
грид. Забравшись, рыба.

Вспомнил, как было. Погода ветреная, спортив-
ные аэронавы выдают только профессионалам —
я едва упробался, и теперь порыв ветра швыряет
меня, крутит вполком.

Или же, как те могу умереть, как птицы, камнем
вниз.

Тело Риты мне больше не принадлежало.

К Обеду я уже у моря. Самый разгар сезона,
отпусканцы заполняют пляжи, дружелюбные люди
всего начинают разговаривать, неважно, в
разноцветными точками мелкают у горизонта.

Ручка Арыла на моем плече... Быстрый отскода. Я
только постоала босиком в водах и послушала, как
мне шумит море.

Все-таки какое спое!
Оказывается, день — это очень много. Когда он
первый был последний. И даже успела сказать тебе,
что я знала, и ты знала, что я знала.

Тому что вадру повоала снег, алжко заносило, а
я остаалась одна среди белых застывших влей и
снега, который все павал, тле и торжественно.

Обратном пути я была в горы, где, заста-
вилась к базе и уже проходила с милом, но подумала,
что больше никоду не прокачусь с горы, и не
могла не вернуться, и каталась снова в снегу, как
одним томилась, а в другой кусте — ждги стрелы
профессионалом эл адралды. Мы плелась в су-
роб, он поцолава меня холодными обветранными
губами, а я вадру разрезавшая, уткнувшись в снег.

В Ступицу я вернулась в кюни. Перед выадой
Эра я отула пыла огромным кустом — ждги стрелы
Пленки, палстники, кюни. Вокруг собра-
лась довольно внушительная толпа. Ребятам раз-
влекалась прыгать отню, взрослые выбалдыли. Оди-
накому ушную, дружке с интресом. Смотрели, как
пожирает огонь диковинные вещи, старались
догадаться об их назначении.

Я проглотила как можно больше тудя, где
одним кустер «мелкожизн» ВП. Милкхиз из них
я знала, со мной здоровалась, подражалась, согласо-
вал ритуалу, с успешным завершением операции.

Мое повозение здесь было воспринято как вполне
ожидаемое. агент № 423-аффла еглядящая на
дело своих рук.

Костры из кюни. На Земля-аффла тоже так было.
Я смотрела, как гибнет то, чем мы с Эром жила,
или все эти месиды, и вспоминала. Наши мысли,
наши слова — все это со мной, и это нельзя
уничтожить, пока я жива.

Почка я жыва, как грустно завидно.

И даже потом это останется с нами. Эра, потому
что ты и я — одно. Мы обмянем их, обдем
вокруг паллада. Милка, которая меня почти раз-
веселела.

Они бетине. Их плечи касаются моего, чувствую
их дыхание. Их лица, во которых метутся трепельные
отблески памяти, кажутся сейчас чуть ли не
отсутствующими. И кажется, Адыла так же, как
остается ничего, они склеивают последний мост, связы-
вающий мертвое человечество с живым.

Ничего, кроме любвиобаятия. Я должна бы чув-
ствовать к ним пренеиение и неважность, как Эра,
но в мой адлы лишь сострадание. Может, потому
что я прожила жизнь одной из них. Мой отец
и Адыла были бетинями, мои дети, которых у меня
отсутствует. Мой вивкуи, правнукуи, которых я никоду
не видала.

Нити, нас связывающие, на дрель же прочнее,
чем у Эра.

Впервые я по-настоящему осознала, что завтра
слезать это не только ради самого Эра. Почтовый
аэронав, спаванный в стевой шахте, оном минуте
полежит в лаборатории в скаффле. Эра знает,
где она находится, только ему известна техника про-
изводства альфазина.

Филетовое облако поднимается и тает над ска-
лами, небо становится черным, и над Землей-бета
пронисются вихри. Всего несколько секунд.

Я смотрю, как горит ваше прошлое, а
самый лес в будущем, в котором меня уже не бу-
дет.

Самшите, я хочу взорвать ваш рай, ваше тру-
щельное убежище!

И в кусте в алжко имею право?

Я Ингрид Кейн, адлы из вас. Право — это мой
первая жывн, все с четвертью. И вторая та, что
сейчас горит перед вами. Всего лишь год.

И память милоток половоний вадик тропок с
Земля-алфа, запрограммирования в эти пылашки,
книга, картинка.

Я хочу разрушить ваш прокатный рай, вашу сон-
ливую, сонливую атмосферу. Центр жизни —
Ингрид Кейн. Что меня завластает? Не неважность,
не пренеиение, не злоба. Могло, сострадание? Или
любовь?

Это открыто меня поразило. Любем? Прими-
тели открыты, застывшие у костра, в котором
жгут кюни. К ним?

Да, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Или же, как ты странно, я их люблю. Не их насто-
ящее, а будущее, в котором меня уже не будет.

Господи, если ты есть... Спокойнее, Ингрид!

Эра, венаи, будто ты на ягру. Мягким ле-
нивым прыжком он вскочил на помост и замер
в покорно-иронической позе. Выбухавший до-
ждик ударил по крыше, отблески ослепили. Соби-
рающийся газоползуно на него толпы и тек, что
заставляло его на потеху толпе проделывать все эти
штуки.

И в гада в цирке сочувствующая титрам.

Эра увидела меня. Ее взгляда. Удивительное ощущение
— паллада вадук качнулся, расширился,
наполнялся волаудом, очертания лица и предло-
тов стали яркими. Он смотрел на меня, а она
случайно альфазина. Неужели я могла предложить,
что он усомнится во мне, а в итоге, соединившем
нас — двоим алжко в страве бети?

Гулую, гулую Гулую.

Эра, венаи, будто ты на ягру. Мягким ле-
нивым прыжком он вскочил на помост и замер
в покорно-иронической позе. Выбухавший до-
ждик ударил по крыше, отблески ослепили. Соби-
рающийся газоползуно на него толпы и тек, что
заставляло его на потеху толпе проделывать все эти
штуки.

И в гада в цирке сочувствующая титрам.

Эра увидела меня. Ее взгляда. Удивительное ощущение
— паллада вадук качнулся, расширился,
наполнялся волаудом, очертания лица и предло-
тов стали яркими. Он смотрел на меня, а она
случайно альфазина. Неужели я могла предложить,
что он усомнится во мне, а в итоге, соединившем
нас — двоим алжко в страве бети?

Гулую, гулую Гулую.

Эра, венаи, будто ты на ягру. Мягким ле-
нивым прыжком он вскочил на помост и замер
в покорно-иронической позе. Выбухавший до-
ждик ударил по крыше, отблески ослепили. Соби-
рающийся газоползуно на него толпы и тек, что
заставляло его на потеху толпе проделывать все эти
штуки.

И в гада в цирке сочувствующая титрам.

Эра увидела меня. Ее взгляда. Удивительное ощущение
— паллада вадук качнулся, расширился,
наполнялся волаудом, очертания лица и предло-
тов стали яркими. Он смотрел на меня, а она
случайно альфазина. Неужели я могла предложить,
что он усомнится во мне, а в итоге, соединившем
нас — двоим алжко в страве бети?

Гулую, гулую Гулую.

Эра, венаи, будто ты на ягру. Мягким ле-
нивым прыжком он вскочил на помост и замер
в покорно-иронической позе. Выбухавший до-
ждик ударил по крыше, отблески ослепили. Соби-
рающийся газоползуно на него толпы и тек, что
заставляло его на потеху толпе проделывать все эти
штуки.

И в гада в цирке сочувствующая титрам.

Эра увидела меня. Ее взгляда. Удивительное ощущение
— паллада вадук качнулся, расширился,
наполнялся волаудом, очертания лица и предло-
тов стали яркими. Он смотрел на меня, а она
случайно альфазина. Неужели я могла предложить,
что он усомнится во мне, а в итоге, соединившем
нас — двоим алжко в страве бети?

Гулую, гулую Гулую.

Эра, венаи, будто ты на ягру. Мягким ле-
нивым прыжком он вскочил на помост и замер
в покорно-иронической позе. Выбухавший до-
ждик ударил по крыше, отблески ослепили. Соби-
рающийся газоползуно на него толпы и тек, что
заставляло его на потеху толпе проделывать все эти
штуки.

И в гада в цирке сочувствующая титрам.

Эра увидела меня. Ее взгляда. Удивительное ощущение
— паллада вадук качнулся, расширился,
наполнялся волаудом, очертания лица и предло-
тов стали яркими. Он смотрел на меня, а она
случайно альфазина. Неужели я могла предложить,
что он усомнится во мне, а в итоге, соединившем
нас — двоим алжко в страве бети?

Гулую, гулую Гулую.

Эра, венаи, будто ты на ягру. Мягким ле-
нивым прыжком он вскочил на помост и замер
в покорно-иронической позе. Выбухавший до-
ждик ударил по крыше, отблески ослепили. Соби-
рающийся газоползуно на него толпы и тек, что
заставляло его на потеху толпе проделывать все эти
штуки.

И в гада в цирке сочувствующая титрам.

Эра увидела меня. Ее взгляда. Удивительное ощущение
— паллада вадук качнулся, расширился,
наполнялся волаудом, очертания лица и предло-
тов стали яркими. Он смотрел на меня, а она
случайно альфазина. Неужели я могла предложить,
что он усомнится во мне, а в итоге, соединившем
нас — двоим алжко в страве бети?

Гулую, гулую Гулую.

Эра, венаи, будто ты на ягру. Мягким ле-
нивым прыжком он вскочил на помост и замер
в покорно-иронической позе. Выбухавший до-
ждик ударил по крыше, отблески ослепили. Соби-
рающийся газоползуно на него толпы и тек, что
заставляло его на потеху толпе проделывать все эти
штуки.

И в гада в цирке сочувствующая титрам.

Эра увидела меня. Ее взгляда. Удивительное ощущение
— паллада вадук качнулся, расширился,
наполнялся волаудом, очертания лица и предло-
тов стали яркими. Он смотрел на меня, а она
случайно альфазина. Неужели я могла предложить,
что он усомнится во мне, а в итоге, соединившем
нас — двоим алжко в страве бети?

Гулую, гулую Гулую.

Эра, венаи, будто ты на ягру. Мягким ле-
нивым прыжком он вскочил на помост и замер
в покорно-иронической позе. Выбухавший до-
ждик ударил по крыше, отблески ослепили. Соби-
рающийся газоползуно на него толпы и тек, что
заставляло его на потеху толпе проделывать все эти
штуки.

И в гада в цирке сочувствующая титрам.

Эра увидела меня. Ее взгляда. Удивительное ощущение
— паллада вадук качнулся, расширился,
наполнялся волаудом, очертания лица и предло-
тов стали яркими. Он смотрел на меня, а она
случайно альфазина. Неужели я могла предложить,
что он усомнится во мне, а в итоге, соединившем
нас — двоим алжко в страве бети?

Гулую, гулую Гулую.

Эра, венаи, будто ты на ягру. Мягким ле-
нивым прыжком он вскочил на помост и замер
в покорно-иронической позе. Выбухавший до-
ждик ударил по крыше, отблески ослепили. Соби-
рающийся газоползуно на него толпы и тек, что
заставляло его на потеху толпе проделывать все эти
штуки.

И в гада в цирке сочувствующая титрам.

Эра увидела меня. Ее взгляда. Удивительное ощущение
— паллада вадук качнулся, расширился,
наполнялся волаудом, очертания лица и предло-
тов стали яркими. Он смотрел на меня, а она
случайно альфазина. Неужели я могла предложить,
что он усомнится во мне, а в итоге, соединившем
нас — двоим алжко в страве бети?

Гулую, гулую Гулую.

Эра, венаи, будто ты на ягру. Мягким ле-
нивым прыжком он вскочил на помост и замер
в покорно-иронической позе. Выбухавший до-
ждик ударил по крыше, отблески ослепили. Соби-
рающийся газоползуно на него толпы и тек, что
заставляло его на потеху толпе проделывать все эти
штуки.

И в гада в цирке сочувствующая титрам.

осемнадцатый лет исполняется вымышленной златоугой: возраст полного надела и планов кинош. Вот, оказывается, сколько времени прошло с того дня, когда энтузиастам из различных стран во главе со знаменитым лыжником и олимпийским чемпионом по пятиборью Свенем Тохельдом удалось добиться официального признания Международного союза биатлонов.

И все же по сравнению с другими видами спорта биатлон выглядит сущим младенцем. Особенно эстафета — вымышленной чешуйчатой рапой по биатлону состоит в местечке Раубичи, в получасе езды от Минска — в подобном раинге эстафеты «включаются» участники. Будет проведена всего лишь в девятый раз.

Сколько увлекательных эпизодов подвирала зрителям эта гонка, без эстафеты уже и тематическим лыжным фестивалям, она, считайте, самое лакомое его «блюдо», десерт. Вот и на зимних Олимпийских играх эстафета проводится вблизко и закрыто, дабы наслаждаться еще раз хорошо встряхнутой публикой.

Как же описать это состязание? Как убедить не искушенных в биатлоне читателей в насущности, серьезности эстафеты? Немного по порядку. Биатлонисты с винтовками за плечами выстраиваются в одну ровную шеренгу. Хлопает выстрел ракетницы. Заряд еще описывает дуло, а лыжники уже вовсю мчат по полю. Вознистой, грозной силой веет от этого спортивного ограда. Сколько ни наблюдай за стартом биатлонистов, всякий раз захватывает дух при виде этой лавины. Сопереживания, охватывающие нас при любом публичном представлении, особенно остро и непосредственно проявляется в спорте. Спортивное состязание, конечно же, игра. Но игра неизменно имеет начало и обывала. И то, что в ней происходит в отведенный срок, уже невозможно ни изменить, ни переиграть. В этой-то необратимости и таится сила спорта, отсюда его непримиримые драмы.

Ободрающие крики болельщиков все ярче разжигают ностер гонки, садились, непереломившись, уступились, и дальше упекают от предельного. Да только былые люди хорошо знают, что на самом-то деле мало что решается в эти минуты, и так бы ни развалили сномянутые лидеры — это еще не вечер.

Три и лыбятности эстафеты, что и зрители и сами участники смогут спокойно вздохнуть лишь после того, как сильнейший на четвертом этапе сделает последний шаг и минут финишной створы. А до этого всегда делается порада дль беспомощности. Конечно, интерес и интрижка гонки, а если вылажется абсолютная сила, но эстафета смотрится лучше. Все здесь происходит на глазах, и не нужно после финиша рассуждать о результатах, пока судьи не завершат свою мудреные подсчеты.

Там, чю что эстафета биатлонистов состоит из четырех этапов: каждый по 7,5 километра. Два раза лыжники приводят гонщика на стрельбище, где каждый из них должен проделать пять мишеней (обычно это бивають шары) вельюмо боевыми патронами. Размер мишеней — чю-то около вельюмого диаметра, прицел по ним с дистанции 150 метров. Каждый сверлимый промах наказывается штрафом: дополнительных 200 метров. Потому-то биатлонист поспеживает сделать очередь, чтобы свежести, упали его бог сбьются на предельной, выматывающей силе тела. Ведь в мгновения, когда он катится вельюмому направлению, вельюмому посперхпачи и укладывается в снег, он должен сбросить бремя усталости и напряжения. За эти мгновения со 190—200 ударов в минуту пульс дол-

Игорь МАСЛЕННИКОВ,
мастер спорта,
Анатолий БОЧИНИН (фото)

ВЗВОРОТ

жен «скатиться» хотя бы до 120. Не мдавления, согласитесь, состояние для прицельной стрельбы, но для биатлона уже вполне приемлемый режим работы.

Это новый для тебя старт, в котором, если вольно захвевает для того, чтобы напрочь растаться с надеждой на почетное место. Не выдерживая паузу, совалил толчок сердца и выстрел, вот и угодина пуля в мишень. Вот почему биатлонисты никогда не ложатся на снег плашмя, а чуть-чуть на левый бок, чтобы дытание и удары сердца не передавали винтовке неуверенное колебание.

Опытный биатлонист находится на отгнемом рубеже чю-то около минуты. А потерять здесь можно все, что было завоевано потом, достигим усилиями на лыжне. Разом потерять, из-за одной ошибки. Вы ведь помните: каждый неразбитый шаг — это лишние двести метров бега по штрафному кругу, вельюмому загоному, как не весело шутят биатлонисты.

Квалификационный, вельюмый труд по-особому ценится в этом виде спорта. Любой биатлонист знает об этом, еще новичку, ему постоянно твердили о значении стрельбы, но разве легко сдерживать себя в гонке: за спешкой дытание наследующего соперника, который вот-вот строгим голосом попросит освободить лыжню. Что поделять, в спорте часто самолюбие, азарт окказываются сильнее здравого рассудка. Вспомяну гонку юнором на последнем чемпионате страны в Кирово-Чепецке. Лично нечуждыми делами, все у них подпольсь, и в последнюю минуту они имели в запасе перед ближайшими конкурентами чуть меньше двух минут. А команда «Грудан» — позднее она и будет на виду — вообще, уступила травматичную остановку: долгое время шестыми бежали.

Последним за «Грудан» уходила на дистанцию В. Хавкин, он только что вернулся с чемпиономта мира. Партнер с усилием одолев финишный коридор, шеллуга лавнопо по стине. Мест прозинский и одновременно великодушный. Уставший организм бросает в гушу гонки свежего, охваченного азартом товарища. Чем не модель жизни с вечным ее обновлением?

В любой другой эстафете столь огромном отставание ничего доброго не сулило бы Хавкину. Но ведь уже шло и нас разогорло то, чю что в биатлоне все происходит только на финише.

На последний огневой рубеже димовеч приехал запывшийся,

взымший. Вскинул винтовку — влодох разочарования за спиной. Задело снова мимо, мимо... Так и эдак ходило дуло его винтовки, безбоязненно мазало. Два шара остались целочисленными, и арбитры отправили торопу на штрафные круги.

А пока он демонстрировал так технику бега, на лесном амнириту Хавкин, он давно подобрался к лидеру. Аккуратно перебил все шары, и, пожелавший, раньше остальных перебежал на основную лыжню. Вот так все и вышло в той гонке...

На тренировке еще мне довелось однажды услышать вот какой диалог: — В эстафете надо одно туго звать: — Заряде! заряде, дальше будешь. Разве не так! — спросили у наставника сборной Александра Привалова. — Ну да... только от того места, куда едешь, — улыбувшись, мазал Привалов.

И все вспоминали дерзкий рейд Ринната Сафина. Притом не где-нибудь, а во время соревнований на Олимпийских играх в Саппоро. Было чю что ставить на карту.

Там такова вышла сапка. В ударе был Александр Тихонов, очень стараясь после неудачи в индивидуальной гонке. Как всегда, ему поручили начинать в нашей команде. Разгон, огромная скорость — всего этого не замечать Тихонову, да еще приложивайте сюда вельюмоленные нервы этого человека, его неистощимую реакцию.

Но чюго только не случается в гонке! На одном из спусков Тиховова вынесло с трамвая, а здесь еще колере, а как не брассом его новенькой лыжи. В целле...

Дитер Швейер за ГРЧ вырвался, отдал свою «маршу», ввернулся, об этом случае писано-перписано... А вот о том, как выкручивался на своем этапе второй гонщик нашей команды, Сафин, известно помельше.

Ушел он на дистанцию десятым. Веселого, конечно, милотовца. Тут же и по раскочке, дощечке не дощечка, и поторпалывались привады. Бур, натис — вот кавим был бе Сафина в тот день. Все душу вложил он в гонку, все отдал ей.

Сразу же долгой перчаткой, принял и подбородку, и выстрелил. В строение ахали: «Словно из автомата палить. Заночник дистанцию Сафин...» перемы. Остальным уже было мало пользе.

...Вернемся на стрельбище. Очень уж захвевает побольшевателю познано-лого, с тем, чю здесь происходит.

Сюда, истать, обычно спешат и зрители. А поскольку состязания биатлонистов из года в год проводятся на одних и тех же траксах, то и публи-

ка собирается постоянная, искушенная в тонкостях этого вида спорта. Новосибирск, Кирово-Чепецк, Ижевск так же любима биатлонистами, как например, вельюмоистаи Тула. Частенько встречаю в этих городах продавцов «миного» магазина, что в Москва у Павлаваича аоказала. В Захарова. Столица скуповата на крупные состязания по биатлону, поэтому зимой Захаров регулярно берет отпуск и едет за командным отправлением в турне по Сибирю, Уралу.

В ожидании участников эдак минут десять публика перелатывает

воле лавины огни, пускает парок из роту, судачит о шансах. И как бы ни готовился вас и позволение лидера сообщения дитора, крики тренеров и запяных, сопровождающих участников, все равно его появление на стрельбище всегда несомненно.

Раскрасившись, с пятнами пота на комбинажоне, он вырывается на уютную поляну из инго, зростного мира, и летит ему дале до того, чю что преврится в округ.

Палки в снег — и к барьеру. Скрупяи местом бывалоо дуллуга стравит винтовку, с ней он и будет сейчас пытать эстафету. Лицо биатлониста и взгляд, и движение, кавим бы добродушным ни был в жизни, теперь выражают одно — безжалостную охотничью страсть.

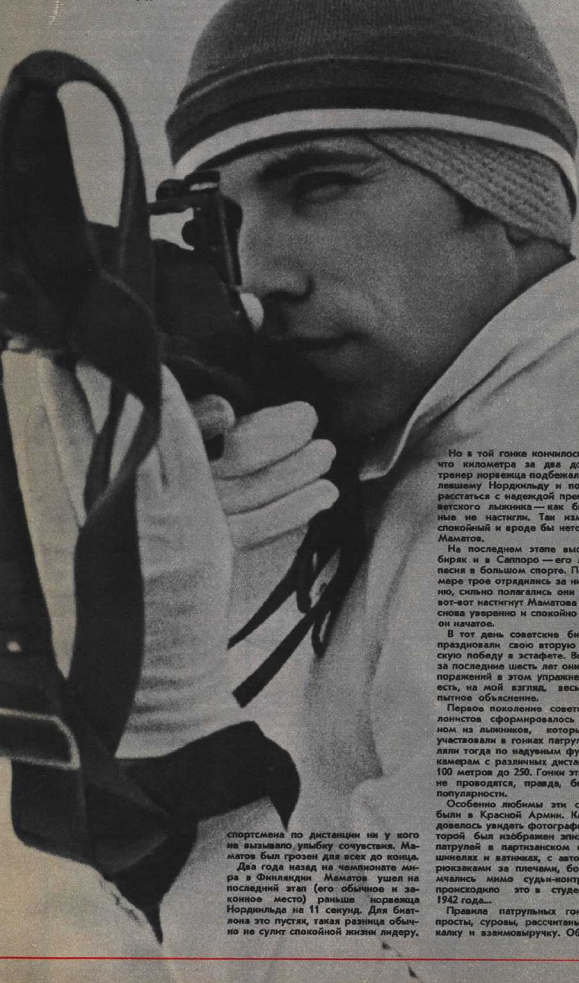
Чю что испытывает в эту минуту? Мелкие гробы и молнии бивуют в нем! Все мир, все его доступные человеку ощущения сумлись, сейчас до лият темных шаров.

Именно здесь, на стрельбище, немально брал свое Виктор Малахов — в минувшем сезоне дуркратый

олимпийский чемпион сказал спорту «спасибо и прощай».

Человек невозмутимый и обстоятельный, инженер Маматов оказался последним представителем старой гвардии наших биатлонистов. Только он сумел выдержать натиск молодых, взвинченных ими скорости.

А ведь, как и его сверстники, Маматов никогда не был докой в бегах, куда там, тизокходом слыш. Только все равно, даже в последние годы, когда все чаще и чаще молодые обгоняли его на лыжне, движение этого Маматова на лыжне, движение этого

Но в той гонке кончились все тем, что километра за два до финиша тренер норвежца подбежал и обессиленному Нордхольмду и посоветовал расстаться с надеждой на победу советского лыжника — как бы остальные не настали. Так зима эта его спокойный и вроде бы нетерпеливый Маматов.

На последнем этапе выступал сибиряк и в Септорме — его лыбежная ласка в Большом спорте. По крайней мере трое отразились за ним в погоно, сильно полагались они на то, что вот-вот наступит Маматов в лесу, но снова уверенно и спокойно завершил он начатое.

В тот день советские биатлонисты праздновали свою историю олимпийскую победу в эстафете. Вообще же за последние шесть лет они не знают поражений в этом упражнении, чьему есть, на мой взгляд, весьма любопытное объяснение.

Первое поколение советских биатлонистов сформировалось в основном из лыжников, которые не участвовали в гонках патрулей. Стреляли тогда по надземным футабильным камерам с различных дистанций — от 100 метров до 250. Гонки эти и ныне проводятся, правда, без былой популярности.

Особенно ласбным эти состязания были в Красной Армии. Как-то мне довелось увидеть фотографию, на которой был изображен эпизод гонки патрулей в партизанской отряде. В шинелях и ватниках, с автоматами и рюкзаками за плечами, бойцы лихо мчались мимо судьи-контролера. А происходило это в студеную зиму 1942 года...

Правила патрульных гонки были просты, суровы, рассчитаны на смекалку и взаимопомощь. Обычно бе-

жали 20 километров, но иной раз командиры прокладывали дистанцию и подлинее. Стреляли из винтовок и автоматов, а случалось, метали гранаты. Вешали в полной солдатской выкладке. Одним словом, подготологи бойцы получали разнообразную, и главным девизом этих гонок было: «Один за всех, все за одного».

И вот этого-то дух товарищества, стремления прийти на помощь, выдвинуть, пусть даже в ущерб себе, первые наши биатлонисты впитали «с молоком», а подлинее, и это самая огромная их заслуга, бережно передавали своим наследникам.

Само собой, эти качества особенно ценятся и ценятся в эстафете, где иной раз биатлониста с олимпийскими показателями в индивидуальной гонке заменяют спортсмены с более развитым чувством коллективизма.

Много вспоминается эпизодов, когда наша команда оказывалась в ситуациях критически, но в конце концов один вырывает другое, брал «вгору» на себя, и все заканчивалось к общему нашему удовольствию. Наиболее свежий тому пример — эстафетная гонка в последнем чемпионате мира в Лейк-Пласиде (США).

Норвежки (давние и наиболее опасные наши соперники) твердили, что на сей раз они особенно хорошо подготовлены и у них есть все для завоевания золотой олимпийки в эстафете. Они не бахвалились попусту, и, когда дошло до дела, то даже ветеран Е. Филант лихо промчался по дистанции, хотя до этого всегда считался узаканным в бегах.

На последний этап Александр Тихонов ушел вместе с молодыми Т. Свендсбергатом — лидером норвежцев. Нога в ногу они подошли и во втором огневому рубежу — здесь норвежцы стреляли стоя. Самов трудное поминание, но ко что опереться локтями.

После пяти выстрелов оба пустились в ход запасные патроны. Наконец и Тихонову и Свендсбергату осталось поразить по одному шару. Первым выстрелил норвежец — попал. Четыре патрона, глянцевики малявки перед Тихоновым, один шар остался. Но и вступ, который он загонял в ствол, был последним. Вскинул винтовку, выстрелил почти не целясь — ведь Свендсбергет уже катил по дистанции. Вдобавит шар, черт возьми!

Очевидцы рассказывали, что когда Тихонов кинулся след за норвежцем, то запасные наши команды и массажист побрели вразделку на в состоянии было следить за этим единообразием.

Это состязание, увы, затерявшееся в потоке сползущих событий, на самом-то деле было великим. И мой рассказ хоть какая-то дань ему. А оно точно было великим, ибо на расквашенной лыжне в Лейк-Пласиде, при температуре плюс 12, два биатлониста мерились силами не только в опыте, выносливости, меткости. Над обычными спортивными столкновениями их состязание вознесло, по особому одухотворяя борьбу характеров.

Обе имели одинаковые возможности для успеха. Движались не Нордсифирса посылные в бегах, но Свендсбергет убежал на основную лыжню норвежцев, и это уравнивало шансы. Выстрел Тихонова. Спусти четыре секунды зломонч дистанцию Свендсбергет.

Одиннадцать наших биатлонистов за минувшие восемь лет пыгали счастья в этом виде спорта. У каждого были свои особенности, склонности. А цементом, объединяющим их, делавшим команды не по названию, а по сути, был и остается все то же чувство вылета, дух товарищества.

Самые надежные связи между людьми...

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. БУЙВОЛЫ С СЕВЕРА
2. САМАЯ БОЛЬШАЯ В МИРЕ СОЛНЕЧНАЯ ПЕЧЬ
3. НОВАЯ ВАКЦИНА
4. ЛОШАДИНЫЙ ХОМУТ В КАЧЕСТВЕ ЛЕКАРСТВА
5. «СЕВЕРНЫХ ПОМПЕЙ» НЕ БУДЕТ!
6. 18 ЧАСОВ У МАШИНЫ
7. МАСШТАБНАЯ ВЫДУМКА
8. КАСАТКИ — ЗВЕЗДЫ МАНЕЖА
9. ПЕНСИОНЕР-ТУРИСТ
10. ПРИШЛИ МНЕ ЗОЛОТУЮ РЫБКУ...

1. На обочине шоссе номер 1 в нескольких километрах севернее Доха Ха можно увидеть простую табличку с надписью: «Здесь распродаются буйволы».

Три десятка буйволов наутра с рядом с дорогой. Местные крестьяне передают об одном животноводу к другому и обсуждают их достоинства с представителями местных народных властей. Если какой-либо из буйволов иранится, крестьянин подхватывает свое имя и уходит буйвола.

Все происходит на первый взгляд как на обычной распродаже скота на это только — на первый взгляд. Здесь никто не платит за выбранного буйвола. Титуловые животные распределяются среди крестьян государственной сельскохозяйственной провинции Куангчи бесплатно — пока что для использования на работах. Если же кто-нибудь захочет купить животное, он сообщает об этом представителям властей, и буйвол переходит после уплаты установленной суммы в собственность крестьянина. Это один из видов помощи, которую оказывает Демократическая Республика Вьетнам южновьетнамским земледельцам в освобожденных районах. По шоссе номер 1 уже доставлены из Северного Вьетнама несколько тысяч этих ценных животных.

Многие крестьяне провинции Куангчи во время войны утратили в горных областях и после оккупации бомбардировкой возвратиться к своим бывшим рисовым плантациям. Да, бывшим! От риса на них, разумеется, не осталось и следа. Всякую лишь опустошенная, заросшая травой земля.

Впервые сюда пришли искатели мин из подразделения государственно-управленческой армии. Только после завершения их работы стало возможным присутствию к регулятивам, восстанавливающим плодородия почвы. Это была не простая работа. Самым сложным оказалось засыпка глубоких воронок. Голыми руками собирались мертвая земля и укладывалась на дно, постепенно накапливались слои за слоем, а на самом верху размещалась плодородная почва рисового поля.

На месте разрушенных войной семенов строится новые дома. Бамбука на эти постройки идет с севера. Обновляются оросительные каналы и водонапорные станции.

«Слушая местных в провинции Куангчи вновь забывают и пробуждается к новой жизни благодаря труду мужественного народа обеих частей этой страны.

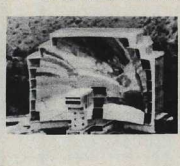
«ЮМАНТЕ ДИМАНШ», ФРАНЦИЯ

2.

На высоте 1800 метров во французских Пиренеях построено самое большое в мире зеркало, состоящее из 9 тысяч отдельных элементов. Параболическое зеркало площадью в две тысячи квадратных метров является нагретым устройством солнечной печи, на которой будут проводиться эксперименты, связанные с использованием солнечной энергии в мирных целях в области пищевой промышленности, металлургии и т. д. Отражающая поверхность может создать в фокусе температуру в 1600 гра-

дусов. Опыты начались уже в текущем году, и во Франции надеются, что в течение года, в первую очередь в области пищевой и металлургической промышленности, удастся прийти к ряду конкретных результатов.

«ОРСАС ВИЛАГ», ВЕНГРИЯ

3.

Если человек усугубит забеспокоенность, то ему обычно приходится принимать болезненные инъекции, который рекомендуют для предотвращения бешенства, а также для профилактики инфекционного паразита. Ежедневные уколы в области живота, плечей и т. д. несут самое малое двух недель, знания приводит к серьезным нарушениям нормальной деятельности организма, а то и к тяжелым осложнениям.

Но, как рассказывает «Журнал американской медицинской ассоциации», можно надеяться, что в недалеком будущем лечение людей, подозреваемых в заражении бешенством, будет менее мучительным. Ученые из Филдсвилля сообщили о получении новой вакцины против бешенства, которая не только более эффективна, чем ныне существующая, но и не имеет никаких нежелательных побочных эффектов.

Новая вакцина, в отличие от прежней, выражена Гадесуем Виктором на ткани человеческой ткани. В предварительных опытах участвовало более ста добровольцев. Прививка, которую им делали в руку, переносилась хорошо. Лишь в нескольких случаях в течение дня или двух сохранялась небольшая сыпь на коже.

Насколько важна новая прививка? Согласно сообщению «Нью-Йорк Сун» сообщает, что лишь в США ежегодно тридцать тысяч человек подвержены риску заражения бешеным собакам, свиньям, птицам и летучим мышам».

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

4.

В Америке в последнее время распространилось множество «лекарств», единственный эффект которых — обожание их изобретателей за счет больных. От такого «лечения» в США умирает больше людей, чем от всех видов насилия и убийств, вместе взятых.

Многие мошенники предлагают различные «чудодейственные» средства. В частности, появились лекарства для омоложения против рака и всех тех болезней, которые излечиваются пока с большим трудом.

Для того, чтобы оградить общественность от подобных шарлатанов, американское Общество борьбы против рака организовало в Калифорнии крупную выставку различного рода лекарств. (Поским, что в Калифорнии каждый год на такие «лекарства» расходуется около 20 миллионов долларов.) «Экспонаты» выставки были собраны главным образом полицией.

Чаще всего на удочку мошенников попадаются больные раком, готовые на все. Во некоторые из трюков лекарственных.

«Улишеров хомут» — изобретение Генри Улишера. Это самый обыкновенный хомут, но Улишер утверждает, что если больной повесит его на шею, то немедленно «выздоравливает» независимо от болезни, поскольку этот хомут «излучает» благотворный динамический магнетизм!»

Некий д-р Дреун придумал машину, которая сама анализирует болезнь и сразу излечивает ее. Такие машины и курьезы многие больные, и сейчас ими пользуются по крайней мере 35 тысяч человек! Несколько лет назад передо мной — полонезский полковник Дреун сделать на машине анализ крови его детей, но дал ему кровь свиней и овца машина тотчас отпрыгала, что детям больше осяной и свиной! Стало порекомендовали купить такую машину, поскольку она одновременно и лечит. После этого случая д-р Дреун был арестован и осужден, но самозванный «врач» сумел использовать свое осуждение в качестве рекламы, и его машины стали покупать нарваться...

Сенатор от штата Луизиана Додди Леблан несколько лет подряд продавал препарат «Гедракол» — обыкновенную смесь яада, витамина «В» и спирта. Благодаря огромной рекламе и легковому публичес сенатор скролил немалый капитал. «Лекарство» было рекомендовано против рака и туберкулеза, высокого кровяного давления и чирьев...

«ЧЕЛЛОСТРОВАНА ПОЛИТКА», СФРЮ

5.

Старый вулкан на итальянском острове Хеймак считался давно уснувшим. В самом деле, он не подавал признаков жизни лишь с половины тысяч лет. Но 23 января этого года вулкан проснулся.

Громадный суггит черного дыма поднялся к небу, оповещая о грядущем извержении. Жители островного городка Вестманьяра — все до единого — были эвакуированы. В феврале. Через четыре часа после того, как последняя шавалда отвалила от берега, обрушилась лава из другого кратера. При этом погиб один рыбак.

1200 дом Вестманьяра остались брошенными. С собой жители сумели захватить только небольшие вещи. Дня пяти тысяч островитян природная катастрофа обрушилась еще и социальная драмой: где жить, где найти ра-

боту, неужели все начинать с нуля?

10 месяцев подряд, день и ночь, вулкан извергал черный пепел из своего зюгера. Самозельты, облетавшие Хеймайя, сообщали, что города уже почти не видны. На одиннадцатый месяц дым над краем стал спадать. Нет, нет, вулкан не погуг, просто извержение поросло быть таким интенсивным.

Немедленно на остров отправились 250 добровольцев. Они установили, что 400 домов полностью разрушены. Остальные погребены под толстым покровом пепла. В некоторых местах слой достигал десяти метров.

Мы не хотим, чтобы Вестмангейар превратился в «Северные Помпеи!» — заявила руководитель работ. — Мы вернулись, чтобы подготовить дорогу оставшимся.

Дорогу пришлось прокладывать бульдозеру. Затем, невзирая на продолжающийся падать вулканический дождь, молодые островитяне установили 40 насосов, которые через систему труб начали поливать ожившую водой уже горячий пепел. Это было сделано для того, чтобы лава окончательно застыла и не сумела опечь оставшиеся дома. Любопытная деталь — в результате извержения площадь Хеймайя увеличилась на два квадратных километра.

Мы построим там новый порт, — решили островитяне. — Пусть будет хоть какая-то толпа от вулкана.

«ШТЕРН», ФРГ

6.

Экспорт некоторых товаров из Южной Кореи за последние 7 лет увеличился в десять раз. Увеличивается в этой стране и иностранные инвестиции. Все это объясняется использованием «природных ресурсов страны» — дешевой рабочей силы. Дешевой потому, что правительство Южной Кореи не заботится об интересах людей труда. Низкий уровень заработной платы приводит к тому, что правительство, между прочим, и привлечение на предприятия общинского сельского населения. Ежегодно в городе работает около 300 тысяч крестьян, составляющих массу полностью безграмотных или частично занятых рабочих, что обуславливает их трудиться за мизерную плату.

По официальным данным, для

содержания семьи рабочему необходимо зарабатывать 15 долларов в месяц. Но вот в текстильной промышленности, где занято около 30 процентов южнокорейских работников, зарплата составляет всего от 12 до 24 долларов в месяц. Девушки текстильного предприятия Таехар работают 16 часов в сутки, часть из них обязаны дополнительно работать и в выходные.

Забастовки в стране запрещены. Какая-либо попытка создания рабочего профсоюза немедленно вводит уже о полдюжины профсоюзной деятельности, наталивается на репрессии со стороны правительства и чаще всего приводит к увольнению рабочих деятелей. В этих условиях представители отстаивающих свои права трудящихся становятся все более радикальными. «Развитие экономики приносит пользу только людям, находящимся в власти. Большинство граждан страдает от несправедливости, живет в нужде и голоде», — заявила британскому репортеру епископ Итхасун.

23-летний рабочий Хун Тас-ил совершил акт публичного самоубийства, чтобы обратить внимание властей на условия работы на сахарных заводах, где рабочие трудятся по 14 часов в сутки в тенистых, непроветриваемых помещениях, умирают от туберкулеза, терпят зрелище следствия болезней, которые являются результатом условий труда.

«ДЮКОЛА СВИТА», ПНР

7.

Управляющие фирмы «Шмитт Мюзик Сентэ», крупного американского музыкального издательства в Миннеаполисе (штат Миннесота), решили заставить на гиттарной нотной линейке, занимающей третью ступень целого димина, фрагмент партитуры одного из известных инструментальных произведений (для фортепиано в четыре руки) Мориса Равеля.

В том, что целью этой выдумки является всего лишь реклама, нет никаких сомнений.

«ФЛАКЭРА», Румыния

8.

Касатки, самые крупные хищники в мире, находят урча и обитателей всех морей. От острых зубов этих животных, привлекающих к себе бальминов, нет спасения ни рыбам, ни тюленям, ни гидрофобным видам китов. Однако и страшный хищник может играть как ребенок. В аквариуме в Сан-Диего (США) сейчас содержится экземпляр этого морского млекопитающего длиной в четыре с половиной метра и весом в 30 центнеров. На снимках вы видите, что дрессированная касатка позволяет дрессировщику свободно чистить себе зубы. У артиста замурован дыхание, когда влывайский дрессировщик Тек Юн промывает зобу между стертосными челюстями хищника.

«МЛАДИ СВЕТ», ЧССР

9.

Когда Ярослав Мататко, пенсионер из города Градец-Кралов (ЧССР), прибыл на траншею ГАИ, он был задержан на время, больше обычного пограничниками за смышленые вопросы. Каждый хотел сделать хотя бы курт на волюмподне времени наших правдушек.

Ярослав Мататко открыл для себя мир валлопостри три года назад, когда обнаружил, среди вещей, оставшихся в наследство от деда, дополнительную кофмату, которую вы видите на снимке. Первая же заворонка пошла, свернувшись на нем, пришлось по душе Мататко.

Деятельный пенсионер в рамаданные годы был легкоталом. В де-

сентябре и метаны димеса он добывал тогда звание чемпиона города. И вот благодаря старому валлопостри началась новая спортивная жизнь Ярослава Мататко. Небольшие поездки со временем превратились в довольно длительные путешествия. За два года выиграл значительные награды. Перед поездкой в ГАИ пенсионер имел возможность любоваться пейзажами и достопримечательностями Румынии и Болгарии.

«НОВЕ БЕРЛИНЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ГДР

10.

Зоолог Том Раевседей из Лондона полагает, что он решил одну из величайших загадок природы — как заставить рыбу прожить какое-то время вне воды. Раевседей поставил научную эту проблему много тодем, и сейчас он убежден, что ответ найден.

Это вещество называется «Прокседей7464». Он получил его из лекарств, разработанного одной из бельгийских компаний. Свойства вещества таковы, что рыба, которая проливает вещество, может обходиться без воды в течение срока восьми часов. И она будет потом жить, даже если окажется сейчас мертвой. Рыба придет в себя, едва вы опустите ее в воду.

Раевседей провела эксперименте молчественно им вещества сотни раз, и неизменно с успехом.

Зоолог утверждает, что «экзильнар любой рыбы» может летать вокруг себя без какого-либо болезненного эффекта. Однажды он послал золотую рыбку другу, сопроводив посылку являющей, которая гласила: «Эта рыба жива — опусте ее в воду и посмотри, что случится». Рыба начала плавать.

«УИКЭНД», Англия

Премии «Смены» за 1973 год присуждены:

Игорю АКИМОВУ — за документальную повесть «Добежать до себя» [№№ 16, 17];

Кириллу БУЛЫЧЕВУ — за рассказы «Можно попросить Нину!», «Корона профессора Козарина» [№№ 3, 19];

Анатолию ИВАЩЕНКО — за очерк «Скорбящая псковитянка» [№ 5];

Юрию КОРТНЕВУ — за статью «Распорядитель времени» [№ 21];

Элеа МАКСИМОВОЙ — за очерк «Красная палатка и «Красный медведь»» [№№ 1, 2, 3];

Геннадию НОВОЖИЛОВУ — за портреты М. Лермонтова, Ф. Тютчева [№ 8, № 20];

Леониду ПЛЕШАКОВУ — за цикл статей «Северный квартал», «Хутора и хуторяне», «Что нам стоит дом построить» [№№ 16, 17, 18];

Владимиру ПОДРЕЗУ — за статью «Друзья познаются в труде» [№ 13];

Владиславу ХОРХОРДИНУ — за очерки «Личное чае души и тела», «В кривом тупике» [№ 3, № 13];

Владимиру ЧЕЙШВИЛИ — за фотопортреты «Скорбящая псковитянка», «Айболиты», «Семь вопросов следствия», «Зачислен навечно», «Липецкие зори», «Фестиваль — все цвета радуги» [№№ 5, 8, 9, 17, 19];

Игорь АКИМОВ

Кирилл БУЛЫЧЕВ

Анатолий ИВАЩЕНКО

Юрий КОРТНЕВ

Элеа МАКСИМОВА

Геннадий НОВОЖИЛОВ

Леонид ПЛЕШАКОВ

Владимир ПОДРЕЗ

Владислав ХОРХОРДИН

Владимир ЧЕЙШВИЛИ

РЕДАКЦИЯ ТАКЖЕ ОТМЕЧАЕТ МАТЕРИАЛЫ СЛЕДУЮЩИХ АВТОРОВ:

Льва Антопольского — за очерк «Рождение» (№ 17).
 Андрея Баташева — за материалы «Время быть...» (№ 3), «Ласочка птиц и слава полярника» (№ 18), «Сила птица Веспелити» (№ 24), Владимир Галюта — за очерк «Бригада» (№ 1), «Дивление и цели» (№ 2), Павел Гунин — за подборку стихов (№ 9), Вадим Гиппиус — за фотозеркало «Серый индус Аллага» (№ 2), «Лабиль» (№ 23), «Первое обложку» (№ 6), Александра Данилова — за статью «Ослы, данце неослабяного» (№ 1) и беседу с академиком И. К. Марковым «Планета и мы» (№ 23), Адольфа Диктера — за очерк «Геттоискус нового города» (№ 13), Ми. хайна Идлер — за статью «Всего четыре часа» (№ 15), Валентина Иванова — за очерк «Правда совместного плавания» (№ 9), Виктор Лебединского — за присосенные шахматной олимпиады, Ираид Мокеева — за статью «Почему мелочеву?» (№ 10) и беседу с академиком Г. Маргулом «Сибирский понос» (№ 16), Алексея Николаева — за очерки «Земля и лета светлый край» (№ 2), «Камаритисы исаиты» (№ 1), «Белль» (№ 19), Андрей Нейрасова — за серию юмористических рисунков, Ивана Осипова — за разработку методик подготовки и сдачи норм ГТО (23), Алени. «Самая» (№ 9, 23), Алени. Александр Проханова — за очерки «Моя голубая Тува» (№ 18) и «Исландия» (№ 20), Александра Родина — за рассказ «Камаритисы исаиты» (№ 17), Александру Сабова — за очерк «Станок и станочник» (№ 11), Олега Славского — за очерк «Фестиваль — все цвета радуги» (№ 19), Маюра Струва — за статью «Всё шито радуги» (№ 19), Игоря Суворова — за очерк «Саморина» (№ 8), Сергея Шавенко — за очерки «Полесье Голубова» (№ 29), «Голуба другие» (№ 21), Евгений Фёдорович — за очерк «Партизанская подпол.» (№ 12), Алексея Якубовского — за рассказ «Лось» (№ 22).

Выигравший футбольный сезон, завоевавший убедительной победой ереванского «Арарата» (в начале будущего года «Смена», следуя многолетней традиции, расскажет читателям с волевым характером и обладателем Кубка СССР), назвал имени 68 молодых спортсменов — дебютантов высшей лиги.

И, как всегда, встала трудная задача выбрать «Абсолютного чемпиона», самых интересных новичков большого футбола. Нам не странно, решение легко оказалось назвать вратаря. Практически у половины Сергея Покатилова, спортивного таланта, перспективного, конкурентов не оказалось. Кстати, и в прошлом году голкипер дебютантов можно было считать на пальцах одной руки. Не говорит ли это о выходящемся кризисе вратарской профессии? Ведь если и дальше дело пойдет таким образом, то через несколько лет, когда вышедшие новички займут позиции и в основных составах команд, в нашем футболе вылезет острый дефицит вратарей высшего класса.

Нет ничего удивительного в том, что наибольшее количество новичков показали нам команды-дебютанты «Пахтакор» и «Шахтер». Сейчас можно с полным основанием утверждать, что именно молодежь, зрелая и неопытная, но беспрестанно тапалывавшая, помогла талантливому опознаться в вышедших, а горнякам — занять весьма почетное для любой команды шестое место. В этих успехах и зрелости объяснение стоит искать прежде всего в том, что пять мест из одиннадцати Тахтанта и Дотелла в списке лучших дебютантов сезона.

ВРАТАРЬ
 Сергей ПОКАТИЛОВ — «Пахтакор» (Ташкент), 22 года, сыграл 19 матчей.

ЗАЩИТНИКИ
 Валерий ЗУБЕВ — «Динамо» (Иванов), 21 год, 6 матчей. Выступал в сборной Куйбысской ВХОИ в составе юношеской и молодежной сборных страны. Выполнил норму мастера спорта.

Армен САРКИСЯН — «Арарат» (Ереван), 20 лет, 23 матча. Награжден золотой медалью чемпиона СССР и дипломом первого степени за выиграный Кубок СССР. Выполнил норму мастера спорта, Иван ЗАБИНИЙ — «Шахтер» (Донецк), 23 года, 24 матча.

Юрий БАСОВ — «Пахтакор» (Ташкент), 21 год, 30 матчей.

ПОЛУЗАЩИТНИКИ

Леонид БУРЛИН — «Динамо» (Иванов), 20 лет, 26 матчей, 2 гола. Награжден серебряной медалью второго места в первенстве СССР. Выступал в финале Кубка СССР. Входил в состав юношеской и молодежной сборных страны. Выполнил норму мастера спорта.

Юрий ПУШИН — «Динамо» (Москва), 19 лет, 12 матчей, 2 гола. Входил в состав юношеской сборной страны.

Владимир САФОНОВ — «Шахтер» (Донецк), 23 года, 30 матчей, 4 гола.

НАПАДАЮЩИЕ

Зураб ЦЕРТЕЛИ — «Динамо» (Тбилиси), 20 лет, 23 матча, 2 гола. Входил в состав молодежной сборной страны.

Виталий СТАРУХИН — «Шахтер» (Донецк), 24 года, 28 матчей, 10 голов.

Владимир ФЕДОРОВ — «Пахтакор» (Ташкент), 18 лет, 28 матчей, 2 гола. Входил в состав юношеской сборной страны.

Редакция «Смены» поощряет молодых футболистов, выходящих на поле в составе лучших дебютантов сезона, и желает им новых успехов в спорте и учебе.

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15, Бульварный проезд, 14.
 ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 5/ХІ 1973 г. А 134009. Подписано и печатно 27/ХІ 1973 г. Формат 70 × 109,6. Усл. печ. л. 5,69. Уч. изд. л. 11,25. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 287. Цена 1 руб. 15 коп. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125065, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

— ТОЛЬКО СНАЧАЛА В ПОЛУЧЕНИИ РАСПИШИСЬ.

— ВЛУЧКА! СНЕГУРОЧКА-А-А-А! АУ-У-У!